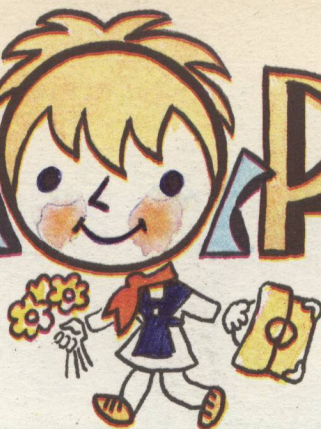

ISSN 0130 6375

ИСКРКА

4 АПРЕЛЬ
1985

*Музей Великой Октябрьской социалистической революции
/бывший особняк Ксенинкой/ Гравюра В.И. Сердюкова*

*«...Нет
красивее
Ленинграда
никогда!»*

Таврический дворец Гравюра В.И. Сердюкова

ИСКОРКА

4 АПРЕЛЬ
1985

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

газеты
„Ленинские
искры“,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Вольт Сцслов

БАЛЛАДА О СТАРОМ ШАХТЁРЕ

Зима загасила пожары снегами.
Фашистские танки прошли на восток.
Разрушен войною, захвачен врагами,
Остался шахтёрский степной городок.
Он сразу притих,
Затаился в метели,
Совсем обезлюдел,
В сугробы осел...
Приказы на стенах домов забелели:
Параграфы...
Пункты...
Под каждым: «РАССТРЕЛ».

Нашёлся предатель,
Шепнул полицаям,
Ткнул пальцем корявым в дощатый забор:
— Там Влас Корниенко в доме
проживает.

Ударник!
Заслуженный, значит, шахтёр.
Ещё на гражданской он с белыми дрался,
Потом уж работою стал знаменит...
И нынче, поди, не случайно остался:
Он памятник Ленину дома хранит!
Настольную, значит, фигурку такую.
Из бронзы...
Наверно, упрятал теперь!

И в пору метельную, в пору ночную
Незванные гости загрохали в дверь.
Наполнилась сразу изба сквозняками.
С порога к стене отлетел половик.
Ввалились фашисты, стуча сапогами,
И тотчас:
— Где Ленин? — услышал старик.
Смолчал.
От удара упал на ступени...
И сразу — прикладом.

Рис. Л. Уральской

Ногами в живот:
— Где Ленин? —
Кричали и били.
— Где Ленин? —
Порушили шкаф.
Растерзали комод.
Лежал он ничком у порога родного.
За дверь туманился дальний рассвет...
— Где Ленин? —
Молчанье.
— Где Ленин? —
Ни слова.
— Где Ленин? —
И снова ни звука в ответ.
— Где Ленин? —
Молчать уже силы не стало,
Но жизни дороже рабочая честь!
На сердце ладонь положив,
прошептал он
Последнее, гордое, твёрдое:
— Здесь!

Давно в сорок пятом
Во вражьем Берлине
Закончилась лютая эта война.
Но помнит героев своих и поныне
Рабочая мирная наша страна.
Весною ручьи по степным косогорам
Покатаются дружно — вся степь запоёт!

...А бронзовый Ленин
вернулся к шахтёрам:
Сегодня он
в школьном музее живёт.

«... Нет
красивее
Ленинграда
никого!»

«НАША СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА СОВЕТОВ
БУДЕТ СТОЯТЬ ПРОЧНО...»

(К рисункам на 2-й странице обложки)

Есть в нашем городе улицы и дома, которые особенно дороги каждому — это памятные Ленинские места.

На 2-й странице обложки мы поместили две гравюры. На одной из них — бывший особняк Кшесинской (ныне Музей Великой Октябрьской социалистической революции), на другой — Таврический дворец.

С 11 марта до июльских событий 1917 года особняк Кшесинской был штабом большевиков. Сюда вместе с рабочими, солдатами и матросами прибыл 3 апреля на броневике В. И. Ленин.

На другой день, 4 апреля 1917 года, Владимир Ильич выступил перед участниками Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов в Таврическом дворце. Здесь он огласил свои знаменитые Апрельские тезисы. А в речи на III Всероссийском съезде Советов, произнесённой здесь же, он пророчески сказал: «Наша социалистическая республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами».

Гравюры, которые мы вам представили, созданы одним из ведущих ленинградских графиков — Владимиром Ивановичем Сердюковым. Он — участник Великой Отечественной войны, прошёл военными дорогами от Курской дуги до Берлина. В гравюре на дереве работает около тридцати лет. Любимые темы В. И. Сердюкова — классические архитектурные ансамбли нашего города и памятные места, связанные с именем Владимира Ильича Ленина.

Николай
Внуков

ГОЛУБОЕ СТЕКЛО

Заглянул Орька Кириллов, посо-
болезновал мне и вынул из порт-
феля книжку.

— На, читай, чтобы не было скуч-
но. Я уже прочёл. Это про поляр-
ные страны. Про путешествия. Ух,
здорово! Не оторвёшься!

Я начал читать книжку нехотя.

Я не особенно любил про путе-
шествия, но другого ничего под ру-
кой не было. Однако чем больше я
вчитывался в книжку, тем интерес-
нее мне становилось.

На третий день я читал её уже
не отрываясь, а когда дочитал до
конца, то понял, что настоящий
путь моей жизни должен проходить
через полярные страны. И каким
дураком я был, что раньше не увле-
кался путешествиями! И почему
эта книжка не оказалась в моих
руках раньше?! Не было бы упу-
щено столько драгоценного време-
ни! Ох, только бы поскорее под-
няться с постели!

Книжку написал замечательный
полярный исследователь Руал Амун-
дсен.

Оказывается, ещё юношей (все-
го на пять лет старше меня!) он со
своим другом прошёл на лыжах по
самой большой ледяной пустыне на
свете — Гренландии. Каким инте-
ресным был этот поход! И каким
опасным! Сто раз они могли про-
валиться в огромные трещины, при-
крытые снегом, могли быть съедены
белыми медведями, могли заблудиться
и вообще не выйти на по-
бережье к людям, могли погибнуть
в многодневной снежной пурге. Ког-
да я читал про этот переход, я дро-
жал от холода, будто шёл по лед-
нику сам. А ночёвки под открытым
небом в спальных мешках в тонень-
кой палатке, обогреваемой приму-
сом! А грозные полярные сияния,
когда на чёрном небе вдруг с ше-
лестом разворачивается тёмно-крас-
ное огненное полотнище, становит-
ся всё ярче, меняет цвет на оран-
жевый, жёлтый, зелёный, синий,
фиолетовый, потом медленно гас-

Окончание. Начало в «Искорке» № 1,
2, 3.

нет, и наступает такая жуткая глухая тьма, что хочется закричать позвериному и бежать без оглядки неизвестно куда... А они не бежали, а спокойно шли в этой темноте, и всё это только для того, чтобы доказать себе, что они сильные.

Потом Амундсен плывал на корабле «Мод» к Северному полюсу, зимовал, затёртый льдами, и его несло течениями то на север, то на юг.

Потом он решил найти знаменитый Северо-Западный проход, который до него уже сто пятьдесят лет искали большие экспедиции. И он отправился за Полярный круг на крохотной парусно-моторной шхуне «Йоа», а вся экспедиция у него — семь человек.

Его называли сумасшедшим и хотели даже арестовать, но он ночью тайком вывел свою «Йоа» из порта и скрылся от полиции. Он добрался до Арктического архипелага и зимовал там целых две полярные ночи, подружился с местными эскимосами, охотился с ними на оленей и в конце концов нашёл-таки этот таинственный Северо-Западный проход и проплыл его из конца в конец. А потом покорил Южный полюс, обогнав английскую экспедицию капитана Роберта Скотта, и стал единственным человеком, побывавшим на обоих полюсах нашей планеты.

Я закрыл книжку и долго лежал, переживая прочитанное. Теперь благодаря Амундсену я знал, что мне нужно. И как только отвалились последние струпья с моих плеч и с груди, я начал заниматься тренировками.

Прежде всего я разделся до трусиков и осмотрел себя с головы до ног в большом зеркале, вделанном в дверцу шкафа.

Я бы не сказал, что у меня было хлипкое сложение, но всё-таки я сам себе не понравился. Руки слишком тонкие, почти без бицепсов. Брюшного пресса совсем не было. Плечи мягкие. Грудные мышцы едва-едва намечались. Единственное, что у меня было в норме, это

ноги: крепкие, жилистые, с твёрдыми икрами. На физкультуре у меня по всем упражнениям стояли тройки, кроме бега. Бегал и прыгал я на пятёрку. Да. Надо срочно развивать в себе остальное. И особенное внимание обратить на общую закалку организма.

Первое, конечно, — это турник. Для укрепления рук и плеч. А для общей закали — обливание холодной водой и бег по утрам.

Наш дом стоял на краю города, в слободе. В конце улицы начиналось огромное кукурузное поле, и тянулось оно километра на полтора, до самого селения Кенже. Вдоль поля, по окраине слободы, шла дорога. Жители Кенже ездили по ней только в воскресные дни — на базар. В будни дорога была безлюдна. Вот на этой-то дороге я и разметил для своих пробежек дистанцию длиной в три тысячи шагов.

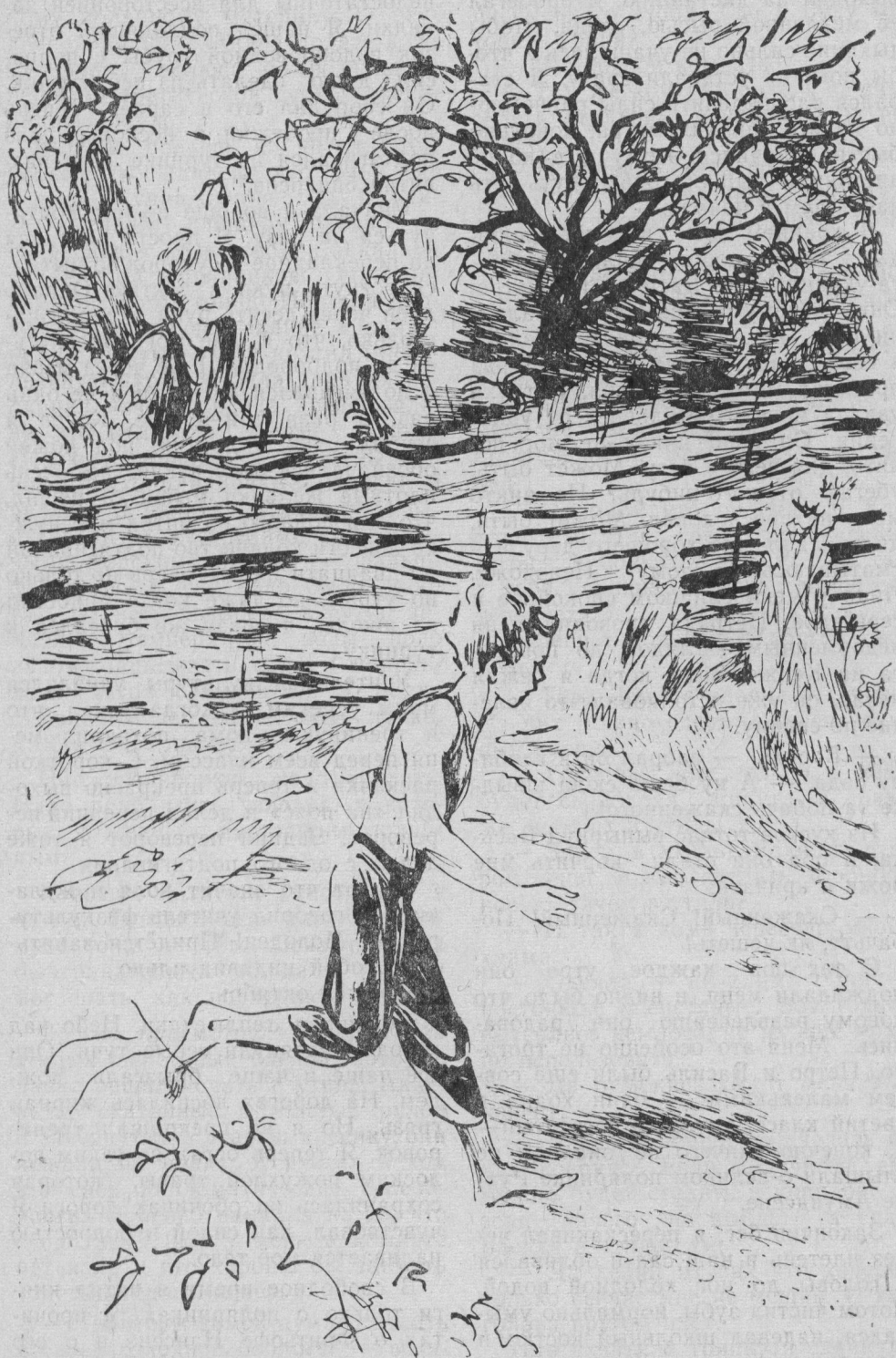
Дома я занимался уроками и спал в отдельной комнате с земляным полом. Дом строили из пяти комнат, но денег хватило только на три. Из одной пустой комнаты сделали кладовку, в которой хранили продукты, а вторую отвоевал себе я. Там у меня стояли кровать с пружинной сеткой, маленький письменный стол, два стула и этажерка с книгами.

— Пусть привыкает к самостоятельности, — сказал дядя. — Своё собственное каждый человек бережёт больше.

И я привыкал к самостоятельности.

Чтобы никого не тревожить, я пролезал в свою комнату через окно. Оно смотрело прямо в сад, в ту его часть, где росли два сливовых дерева и груша. Рядом с грушей находилась водопроводная колонка, и теперь каждое моё утро распределялось так: я вставал в шесть и, перелаывая желание ещё полчаса поваляться в постели, вылезал в сад. В саду я делал несколько гимнастических упражнений, чтобы размять мышцы и выгнать из головы сон. И когда тело становилось упругим и сильным,

«С тех пор каждое утро они поджидали меня, и видно было, что новому развлечению они радовались...»

выходил на дистанцию. Я пробегал её медленной рысью, следя, чтобы дыхание сильно не учащалось и чтобы ноги не уставали сразу. Я старался распределить силы равномерно на все три километра, довольно быстро научился этому и в конце дистанции дышал только чуть-чуть чаще, чем в начале.

В крайнем доме, в конце слободы, у самой дороги жили два брата-украинца — Василь и Петро. Они почему-то тоже поднимались ни свет, ни заря и околачивались в своём саду. Когда я первый раз пробегал мимо их плетня, Петруха увидел меня и остолбенел от удивления. Он явно никак не мог понять, для чего я бегу. Может быть, убегаю от кого-нибудь? Но никто меня не преследовал. Может быть, дядька дал мне хорошего дёру и я сматываюсь из дому? Непохоже. Лицо у меня слишком спокойное и серьёзное. Петруха проводил меня недоуменным взглядом до поворота на Кенже. Зато когда я бежал назад, он уже истолковал это явление по-своему.

— Василь! — заорал он в глубину сада. — А ну бежи сюда швыдче та побачь скаженного!

Из кустов тотчас вынырнул Васька, и оба они стали корчить мне рожи и кричать:

— Скаженный! Скаженный! Побачьте, як чесеть!

С тех пор каждое утро они поджидали меня, и видно было, что новому развлечению они радовались. Меня это особенно не трогало. Петро и Василь были ещё совсем маленькими — один ходил в третий класс, другой в четвёртый — и, конечно, ничего не знали и не слышали о великом полярнике Руале Амундсене.

Закончив бег, я перескакивал через плетень в наш сад и обливался с головы до ног холодной водой. Потом чистил зубы, нормально умывался, надевал школьный костюм и выходил к завтраку. К тому времени дядя и тётя уже просыпались.

Скоро мне стало казаться, что гимнастические упражнения и бег

недостаточны для всесторонней закали. Я нашёл подходящий отрезок водопроводной трубы и попросил дядю сделать из неё турник. Он соорудил его в сарае. Теперь после пробежки я несколько раз подтягивался на турнике. Для развития бицепсов.

Сначала я вообще не мог подтянуться ни разу. Я просто болтался на перекладине и судорожно пытался согнуть руки в локтях. Однако дней через десять руки окрепли настолько, что я уже мог подтянуться до подбородка. Ещё через месяц я подтягивался до груди и не один раз, а раза три-четыре. Когда я сгибал руки в локтях, под кожей обозначались маленькие, но очень плотные желваки мышц. Я решил, что для полного развития мне нужно довести количество подтягиваний до двадцати пяти. Теперь не только по утрам, но даже когда прибежал из школы, я сразу же бросался к турнику.

Учитель физкультуры удивлялся моим успехам, а когда узнал, что я тренируюсь дома, похвалил меня перед всем классом. С короткой раскачки я теперь прекрасно выходил «на пояс» и делал передний переворот. Задний переворот я тоже делал с одного подтягивания.

— Вот что значит воля и желание, — говорил учитель физкультуры. — Молодец! Придётся заняться с тобой индивидуально.

Прошёл октябрь.

Кончились теплые дни. Небо над городом затянуло серые тучи. Они всё чаще и чаще брызгали дождём. На дорогах лоснилась жирная грязь. Но я не прекращал тренировок. Я теперь бегал по узким полоскам пожухлой травы, которая сохранялась на обочинах дороги. Я чувствовал, как силой и бодростью наливается моё тело.

В свободное время я читал книги только о полярниках. Я прочитал о Фритьофе Нансене и о его плавании на знаменитом «Фраме». О путешествии Роберта Скотта к Южному полюсу. Об экспедициях Лазарева и Беллинсгаузена к Юж-

ному полярному материку. О неудачной попытке Андре долететь до Северного полюса на воздушном шаре. О трагической судьбе экспедиции Нобиле.

И чем больше я читал, тем больше убеждался, что мой бег и мои упражнения на турнике выглядят слишком бледно по сравнению с мужеством и закалкой знаменитых полярников. Одни папанинцы чего стоили! Полгода прожить на плавучей льдине в палатке! Ледовитый океан крутил многодневную пургу. Стояла длинная полярная ночь. Льдина дрейфовала, на неё налезали другие льдины. Повсюду появлялись трещины. Из ночи приходили белые медведи и рвались в палатку. Папанинцы отпугивали их выстрелами и сигнальными морскими огнями — фальшфейерами. А ещё надо было работать — несколько раз в сутки замерять температуру воды подо льдом, записывать силу и направление ветра, связываться по радио с Большой землей, долбить лунки, чтобы взять пробы.

Нет, тренировки надо усилить. Надо приблизить условия, в которых я живу, к настоящим полярным.

Конечно, питаться консервами я не мог. Готовить себе пищу на примусе тоже — тётя Лена подняла бы грандиозный скандал. Зато я мог спать, как полярники!

Я уже присмотрел в сарае два старых шерстяных одеяла, которые давно решили сдать в утиль. Аккуратно скатанные в толстый рулон и завернутые в старую клеёнку, они лежали на полке. Я пустил в ход все свои дипломатические способности, особенно напирая на то, что скоро зима, что у меня в комнате нет пола и что хорошо бы занять толстый тёплый ковёр.

— Ты что, и зимой думаешь жить в своей холодной берлоге? — вскинулась тётя Лена. — И не думай, и не мечтай. Там нет печки. Будешь спать на кухне. Понятно?

— Тётъ, но ведь на кухне нет

письменного стола. Где я буду готовить уроки?

— В большой комнате.

— Там же круглый стол, а за ним сидеть страшно неудобно. Я не смогу.

— Прекрасно сможешь.

— А что — и учебники тоже каждый раз таскать в большую комнату?

— Принесёшь, не развалишься.

— Так и буду взад-вперёд бегать, да?

— Прекрасно можешь перенести этажерку в большую комнату.

— Тётъ, в большой комнате у меня не разовьётся никакой самостоятельности. Ведь дядя же сказал!

— Мало ли что он сказал! Как только выпадет снег, будешь заниматься в большой комнате. И так у тебя слишком много самостоятельности.

Я решил подойти с другой стороны:

— Тётъ Лен, те одеяла в сарае... Из них можно сделать замечательный коврик...

— Господи, как только у меня будет свободная минута, я сразу же сдам их в утиль!

— Зачем в утиль? Если из старой вещи можно сделать хорошую новую, зачем в утиль?

— И так в доме чересчур много хлама.

— Одеяла — не хлам! Они — настоящие шерстяные. Вот только вытерлись немного, но их ещё можно использовать.

— Да отвяжись ты от меня наконец!

— Давай я попробую сделать из них коврик. Если получится, его можно будет стелить в коридоре, а если ничего не выйдет, я сдам одеяла в утиль сам.

— Да делай из них что хочешь, только сейчас мне не мешай. И так голова кругом идёт.

Тётя схватила тряпку и сдвинула на край плиты кастрюлю с кипящим супом.

— Так я их возьму?

— О господи, да не долби ты мне

под руку! Забирай эти несчастные тряпки и убирайся отсюда!

Я работал над спальным мешком десять дней.

По описаниям в книжках я знал, что он похож на самый обыкновенный мешок длиной немного больше человеческого роста. С той стороны, с которой в мешок вползают и где находится голова, когда спишь, сделан специальный клапан—крышка, которую можно закрывать изнутри тесёмками, оставив только отверстие для дыхания. Внутри мешка иногда делают карманы—для ружья, патронов и небольшого запаса продуктов. Это если в мешке придётся отлёживаться несколько дней во время пурги.

Я позаимствовал у тёти портновские ножницы, толстую иглу и суровые нитки. До этого мне приходилось пришивать только пуговицы к рубашке. С большими кусками ткани я никогда не имел дела. Поэтому по двадцать раз приходилось сшивать, распарывать и снова сшивать, прежде чем получилось что-то похожее на настоящий мешок. Больше всего возни было с клапаном, но в конце концов я его тоже осилил. Мешок получился немного кривым, швы были не особенно красивыми, но это не имело значения. Настоящим путешественникам красота не нужна. Главное—тепло и чтобы было удобно.

Я влез в готовый мешок и полежал в нём немного.

Красота!

Никаких тебе одеял, никаких простынь, ничего не нужно убирать по утрам и расстилать вечером, ничего не нужно подтыкать с боков. Даже раздеваться не нужно—только снимай обувь и лезь в мешок. Да, полярные путешественники были умными людьми! Представляет ли, сколько дорогого времени уходит у человека только на раздевание, одевание, разборку и уборку постели?!

Из сарая я принёс три доски и затолкал их поглубже под кровать. Теперь ночью, как только все засыпали, я поднимался с кровати, стя-

гивал с неё матрац с простынями и подушкой, укладывал на пружинную сетку доски, бросал на них спальный мешок, настёжь распахивал обе створки окна, надевал брюки и рубашку и в таком виде залезал в спальный мешок. По моему мнению, это приближало меня к настоящим полярным условиям.

Утром я вскакивал, приводил кровать в нормальный вид, бросал около неё вместо коврика спальный мешок и бежал на дистанцию.

Потом—турник, обливание холодной водой, умывание, завтрак и школа...

Скоро я почувствовал, что стал крепче, чем прежде. Я мог без отдыха подтянуться на турнике девятнадцать раз. А когда начали копать картошку,—я взвалил на себя целый мешок и понёс в сарай. Тётя даже лопату уронила от удивления.

— Николай, брось сейчас же! Надорвёшься!

И хотя мешок был невероятно тяжёл и меня под ним пошатывало, я презрительно усмехнулся в ответ.

— Брось, слышишь! — кинулась ко мне тётя Лена.

Но дядя её остановил:

— Оставь его в покое! Он уже достаточно взрослый!

Когда выпал снег, я тоже не торопился перебираться на кухню. Тётя, видимо, забыла о нашем разговоре, и я продолжал спать в своей комнате с открытыми окнами.

В начале зимы я прочитал о путешествиях Седова и Русанова и решил ещё приблизить условия своей жизни к полярным.

Однажды ночью, как всегда выждав, когда все заснут, я разделся догола, вылез в сад, намочил под краном простыню, завернулся в неё и в таком виде залез в спальный мешок.

Зуб не попадал на зуб. Простыня облепила тело, как пластырь. В мешке на этот раз было не уютно, а противно даже. Но я решил выдержать всё до конца. Я представлял себе Роберта Скотта, совсем одного в жиденькой продувной

палатке у угасающего примуса, голодного и простуженного. Он уже не мог идти — на пальцах начиналась гангрена. Я представлял, как он пишет немеющими пальцами последние строки в своём путевом дневнике, а снаружи бесится слепая пурга. Полотнище палатки то прогибается под её ударами, то вздувается пузырём. Холод острыми, режущими как бритва струйками заползает в мешок, пальцы, едва сгибаясь, выводят корявые буквы:

«Ради бога, не забудьте наших близких...»

Рука срывается...

Невероятным усилием Скотт засовывает дневник в мешок, под грудь, закрывает глаза. Примус — мигнув последний раз — гаснет... И наступает вечная тьма...

Вот так он умер, не дойдя до склада с продуктами и керосином всего нескольких километров. И до конца остался героем.

Я лежал в промокшем мешке, вздрагивая от холода, и плакал от жалости к капитану Скотту, от озноба, который колотил меня с головы до ног, от величия подвига, на который способен самый обыкновенный человек.

Вот там, в Антарктиде, были настоящие условия!

А у меня что? Игрушки...

Я так и не заметил, когда заснул.

А утром тётя вынула меня из мешка бредящего, сгорающего от сухого жара. Поставила термометр. Ртуть прыгнула за сорок. Пришлось вызвать «скорую помощь».

Врач, едва войдя в комнату, сразу определил, чем я болен.

— Ты что же это, — сказал он, — умереть захотел?

Я посмотрел на его расплывающееся лицо. В нём не было ничего героического.

— Вы всё-таки не Русанов... — сказал я.

— Начался бред. Положите ему мокрое полотенце на лоб, — сказал врач.

— Нет, не бред... — пробормотал

я. — Я всё соображаю. Амундсен победил Скотта, но Скотт всё равно герой...

Только через месяц я оправился от воспаления лёгких. После этого у меня не стало ни спального мешка, ни собственной комнаты.

Срок моего пребывания в городе кончался. Я уже взял билет на поезд.

Я не встретил в городе никого из нашего класса. После войны нас, мальчишек, осталось двое. Двое из двенадцати, ушедших на фронт...

Поезд отходил вечером следующего дня.

Утром я вышел из гостиницы и направился в центр. Там была одна улица, на которой... Впрочем, я не хотел ничего загадывать.

По Республиканской я добрался до Революционной и повернул к речке.

Революционная кончалась тупиком — от обрыва у речки её отгораживал двухэтажный дом. Слева от дома был вход во двор школы. Справа — забор, сложенный из дикого камня. Я остановился у калитки в этом заборе.

На калитке вместо ручки висело кованое железное кольцо. Да, то самое, до тёмного блеска вытертое множеством рук, я вспомнил его сразу же, как только увидел.

Я потрогал его пальцами. Холодное и тяжёлое. Сколько раз я стоял перед этой калиткой и сердце у меня замирало в ожидании встречи с чудесным миром, который жил в тесных комнатках белого дома, стоящего в глубине двора! Шаги там не были слышны из-за толстых половиков, протянутых по полу. А на полках этажерок стояли такие книги, которых не было в центральной республиканской библиотеке. В первой комнатке над простенькой железной кроватью, покрытой верблюжьим пледом, на стене висело охотничье ружье Михаила Павловича. Я знал, что оно висит для украшения, — Михаил Павлович никогда не стрелял ни в животных, ни в птиц, он преподавал матема-

тику в пятой школе, и ещё он писал книгу о птицах Кавказа.

Посреди второй комнаты, против широкого дивана, стоял круглый стол и возле него — два стула с мягкими спинками. На столе всегда красовалась ваза со свежесрезанными цветами. А рядом с ней лежала стопка тетрадей нашего класса, взятая Татьяной Михайловной домой для проверки. Тут же находились чернильница-непроливайка и деревянная ручка с пером № 86. Татьяна Михайловна терпеть не могла авторучек. Она считала, что они уродуют почерк...

Слабый запах цветов, обычно ирисов или душистого табака, поблёскивающие золотым тиснением корешки книг, негромкий грудной голос Татьяны Михайловны создавали какую-то особую атмосферу покоя.

Даже мысли начинали здесь течь по-другому.

Я взялся рукой за кольцо и повернул его. Я почувствовал, как поднялась тяжёлая щеколда и калитка открылась.

Тот же самый двор, как тогда. Пустой и чистый. Слева — сарай, крытые шифером. От столба, врытого в землю, тянется к стене дома верёвка. Женщина развешивает на ней бельё — у её ног таз, на шее, как ожерелье, шнурок с прищепками.

Она обернулась на стук щеколды.

Острое, худощавое лицо. Чёрные волосы, густо серебриющиеся на висках. Тёмные вразлёт брови. И глаза — большие, внимательные, удивлённые.

— Простите, Татьяна Михайловна Игренева здесь живёт?

Она вытерла руки о передник и шагнула ко мне.

— Внуков! Коленька! А ведь я тебя сразу узнала! Ну, здравствуй!

Я прижался лицом к её плечу, и на минуту для меня перестало существовать всё.

...И вовсе не на ворону, а на цыганку была похожа она...

Потом мы сидели за круглым столом, посередине которого стояла ТА ваза с цветами. Только тетрадок на столе не было.

— Уже второй год на пенсии, — говорила Татьяна Михайловна. — А по утрам всё равно в половине седьмого просыпаюсь. Всё кажется — в школу надо. Теперь — домашняя хозяйка. Никак не привыкну...

На полках этажерок потускневшим золотом корешков светились ТЕ книги. Дореволюционный Чехов, шеститомник Пушкина издания Брокгауза и Ефрона, Писемский, Мельников-Печерский, Леонид Андреев...

— Татьяна Михайловна, а помните, как мы первый день пришли в школу? Я подрался с Кирилловым, и вы поставили нас в задний ряд.

— Как давно это было... — задумчиво произнесла она. — А ведь ты для меня и сейчас такой же. Надолго в город? Всего на пять дней? И билет на завтрашний вечер? Что же ты сразу не пришёл ко мне? Подожди. Я сейчас сварю кофе.

Она вышла, и я снова оглядел всё вокруг.

Ковёр на стене над диваном. Пёстрые плетёные дорожки на полу. В одном углу — крохотная тумбочка с зеркалом на ней. На тумбочку наброшена вязаная коричневая салфетка. Два фигурных флакона с духами. Никаких украшений. ТА же тишина...

Пятьдесят лет! Как будто бы их никогда и не было. Пятьдесят... Целая моя жизнь и ещё жизни многих... А иных уже и на свете нет...

Милая Татьяна Михайловна! В этих двух комнатах она сохранила кусочек того нашего мира, который исчез, казалось, навсегда. За тысячей разных дел, за суматохой жизни мы подчас забываем его.

Да было ли всё это на самом деле? Или нам привиделось, что дни тогда были длиннее. Что мы всё успевали. Что ломоть чёрного хлеба и огурец, сорванный с грядки, впол-

не могли заменить обед, а пробежать босиком по тёплому асфальту главной улицы после школы было не нарушением приличия, а величайшим наслаждением?

Некоторые покидают тот мир без сожаления. Это холодные, жёсткие люди. Мне они всегда казались людьми без родины.

— Ну вот и готово.

Татьяна Михайловна поставила на стол поднос с кофейником, двумя чашками и открытой коробкой шоколадных конфет. Я даже не услышал, как она вошла в комнату.

— Ты о чём задумался?

— Татьяна Михайловна! — Я поднялся со стула. — Можно вас обнять ещё раз?

— Что это за сантименты? — улыбнулась она. — Ну что ж, если очень уж хочется...

Какие сухонькие и узкие у неё плечи! И кожа щеки, к которой я прикоснулся губами, похожа на пергамент.

— Спасибо, что у вас всё так, как тогда.

Она откинулась назад и посмотрела мне прямо в глаза. Серьёзно и строго.

— Я поняла тебя. Я сама не могу по-другому. И Михаил Павлович тоже. Когда меня наградили орденом Ленина... да, да, ведь я орденосец, заслуженная... когда меня наградили, горком предложил нам трёхкомнатную квартиру на улице Ленина. Мы пошли, посмотрели и — отказались. Ну зачем нам, старикам, шестьдесят жилых метров? И ещё такое движение под окнами? И бельё на дворе не повесишь... Старое гнездо всегда теплее...

Она разлила кофе по чашкам и села.

— Рассказывай о себе. Что пишешь сейчас? Я ведь читаю все твои книги. Вернее, те, которые удаётся у нас купить. Как хорошо, что ты пишешь для ребят! Ты сохранил в себе детство.

— Я только что думал об этом. Перед тем как вы вошли в комнату. Как вы смогли угадать?

Она улыбнулась.

— Разве трудно? Я же всех вас знала вот с таких лет... — она показала ладонью чуть ниже стула. — Плохой бы я была учительницей, если бы не чувствовала, кто чем дышит. И я знаю, что ты приехал сюда не просто так. Правильно?

— Да. Мне очень хотелось встретиться с Беталом Калмыковым. Мне нужно это сейчас.

— И тебе это удалось?

— Удалось. Я разговаривал с ним позавчера. Я даже обедал у него с Витей Денисовым, Вовой Никоновым и его сыном Борькой.

— Как тебе удалось это?

Я достал из кармана голубое стекло.

— Вот. В детстве мне никогда не удавалось найти такое.

Она осторожно, двумя пальцами, взяла осколок и подняла к глазам, но сразу же опустила.

— Нет, не хочу. Это только твоё. Я бы, наверное, увидела всё по-другому. Не надо. Спрячь.

Я положил осколок в карман.

— Татьяна Михайловна, а вы... каким вы помните Бетала?

Она отпила глоток кофе из чашки.

— Кажется, это было в тридцатом... Ты знаешь Затишье? Да, я и забыла, ты перед войной жил недалеко от него. Сейчас там университет, а тогда был пригород и находился в нём так называемый Учебный городок. Он был построен по распоряжению Калмыкова. Кабарде были нужны свои учителя, механизаторы, агрономы. Вот он и решил — в Затишье будет учебный центр. Я начинала там совсем девочкой, семнадцати лет. Преподавала русский язык.

И вот однажды к нам в городок приехал Бетал. Он осмотрел учебные классы, мастерские, общежитие, побывал на уроках, а в конце дня вдруг объявил:

— Завтра поедем за красотой.

Мы ничего не поняли. Куда? За какой красотой? Зачем?

А утром у общежития уже стояли два автобуса и невероятно красивая, чубарая, вся в светлых коричневых пятнах, похожая на леопарда, лошадь.

Бетал, свежий, подтянутый, дождался, пока мы рассядемся в машины, легко вскочил в седло и, крикнув:

— Давайте потихоньку за мной! — вынесся со двора и поскакал по Баксанской дороге.

Куда там автобусам! Мы сразу же остались позади.

К полудню мы приехали к горе Нартух. Калмыков уже поджидал нас у дороги. Он сидел на камне и читал газету, а рядом паслась стреноженная лошадь.

— Поднимемся наверх! — показав он на вершину.

Мы — пятьдесят человек, — всё ещё ничего не понимая, неровной цепочкой начали подниматься по склону. К нам присоединились и шофёры автобусов.

Калмыков шёл впереди. Я старалась не отставать от него.

— Бетал, — спросила одна из курсисток, худенькая черноволосая кабардинка, — куда ты нас ведёшь?

— На Нартух.

— Зачем?

— Это единственное место, откуда сразу видны и Эльбрус и Казбек.

— Так мы же горянки, — сказала девушка.

— Ну и что?

— Мы знаем Приэльбрусье, как свои собственные аулы. Мы по сто раз видели и Казбек и Эльбрус.

— Я знаю, что видели. Я сам их видел ещё больше твоего.

— Так зачем ты нас ведёшь снова смотреть?

— Потому что вы их никогда не видели по-настоящему.

— Как это — по-настоящему?! — в голосе девушки послышалось возмущение. — Что мы — слепые, что ли?

— Нет, почему слепые, — сказал Калмыков. — Вы знаете здесь все

камни, все тропинки. Вы торопливо пробирались по ним в соседний аул или на базар в Нальчик. Ваши парни ходили по этим горам за табунами коней, за отарами овец. Вы всегда были озабочены и смотрели только под ноги, а головы поднимали только для того, чтобы взглянуть — не собирается ли гроза. Верно я говорю?

— Верно, Бетал.

— Вас всё время занимали дела, заботы... Много у тебя было свободных дней? Таких, чтобы вообще ничего не делать?

Девушка усмехнулась.

— А вот сегодня у вас и у меня такой день. И мы отдадим его красоте.

Больше девушка ни о чём не спрашивала.

Через час мы были на вершине Нартуха. Здесь начинались альпийские луга и зеленели большие поля кукурузы. Видимо, нас ждали, потому что горело два костра и в больших котлах-казанах варились свежие початки кукурузы. На растеленных на лугу кошмах лежали буханки хлеба и круги овечьего сыра. Мальчик и старик — сторожа кукурузного поля — открывали бидоны с молоком.

— После похода нужно поесть, — сказал Бетал и первым уселся на кошму.

Каким вкусным показались нам мягкий душистый хлеб, острый сыр и ещё тёплое парное молоко! А более нежной кукурузы я в жизни своей не пробовала!

За шутками, разговорами, рассказами незаметно повечерело. Но мы так и не увидели ни Эльбруса, ни Казбека — дали в этот вечер были затянуты дымкой. В ней таяли даже ближние горы. Мы ждали, что Калмыков вот-вот скомандует «по машинам» и сошлётся на неважную, туманную погоду. Но он разговаривал то с нами, то со сторожами, которые всё подбрасывали хворост в костры, а когда совсем стемнело и с гор потянуло холодом, он попросил спуститься к автобусам и принести одеяла.

«Это нужно самому видеть. Ни один художник самыми тонкими оттенками красок не передаст невесомость горного воздуха, зелень альпийских трав, белизну снегов, огромную тишину утра, головокружительно высокое небо, блеск солнца, которое из красного быстро превратилось в жгуче-золотое...»

Да, да, в машинах, оказывается, были припасены одеяла и чёрная бурка Бетала.

— Вы всё увидите утром, когда солнце начнёт подниматься,— сказал он, заворачиваясь в бурку.

Ночь, как обычно в горах, свалилась лавиной. Мы заснули у жарких костров, сами не заметив как. А утром...

Знаешь, словами просто не передать волшебства того, что распахнулось перед нами. Весь вчерашний туман, ещё более сгустившийся ночью, вдруг начал оседать, редеть, исчезать куда-то, и из этой мглы сумрачно выступили тёмно-синие и фиолетовые горы. Потом неожиданно справа от нас розовым цветом вспыхнули две вершины Эльбруса, и следом за ними так же розово загорелась слева вершина Казбека, на которой сидело плотное белое облако. Свет спускался всё ниже, и через несколько минут в переливах розовых, алых, голубых, синих красок засияло ещё с десятков вершин. Впечатление было такое, будто кто-то тянул вниз невидимый занавес и он открывал одну из красивейших в мире панорам.

Через несколько минут весь Кавказский хребет был перед нами.

А потом взошло солнце...

Это нужно самому видеть. Ни один художник самыми тонкими оттенками красок не передаст невесомость горного воздуха, зелень альпийских трав, белизну снегов, огромную тишину утра, головокругительно высокое небо, блеск солнца, которое из красного быстро превратилось в жгуче-золотое...

Прошёл, наверное, час, прежде чем мы пришли в себя и заговорили... И всё это время Бетал неподвижно стоял в своей распахнутой бурке, как бы впитывая в себя прохладу воздуха, свет солнца, тишину и очарование того, что лежало вокруг.

Когда мы заговорили, он повернулся к нам. Взгляд его был задумчив. Брови слегка сдвинуты к переносице.

— Вот наш Кавказ, — сказал он.

К нему подошла девушка, та самая, что поднималась рядом с ним на Нартух.

— Я не знала, что он такой. Ты правильно сказал, Бетал, я ходила, опустив голову вниз. Теперь я вижу. Спасибо тебе.

— И тебе спасибо, что поняла, — ответил Бетал.

Вот так прошёл один из наших воскресных дней. Таким я запомнила Бетала тогда и так помню до сих пор.

Татьяна Михайловна допила кофе. Я тоже допил свою чашку.

— Ещё? — спросила она.

— Нет, спасибо.

— Теперь скажи откровенно — ты хочешь написать о Бетале?

— Не знаю ещё, — сказал я.

— А я тебе скажу вот что. Поверь своей учительнице. В жизни надо пробовать. Попробуй. Не получится — оставь. А если получится... Бетал — удивительный человек. А ты учился вместе с Володькой, бывал у них...

А утром я вышел из гостиницы в последний раз и направился к пустырю. В кармане пиджака лежало голубое стекло. Время от времени я трогал его пальцами. У поворота на площадь я оглянулся. Улица была почти пуста. Только где-то вдалеке, за театром, я увидел нескольких прохожих.

Угол дома закрывал от меня гараж. Есть он на самом деле, или стекло соврало? Сейчас...

Я быстро вынул осколок из кармана, поднёс к глазам и шагнул за угол.

Гараж был на месте. И ворота его были открыты настежь. Из них медленно выезжал обкомовский «линкольн». За рулём сидел Магомет Шипшев. Увидев меня, он улыбнулся, перекинул руку через борт и нажал грушу клаксона.

— Уик-уа! Уик-уа! — громко пропел никелированный рожок, и «линкольн» прибавил скорость.

Я перебежал площадь и пошел

вдоль стены гаража к деревянному забору. Мятно пахли морщинистые листья лопухов. Где-то пробовал свою скрипку кузничик. В конце улицы за огромным степным пространством голубели снегами горы. На моих ногах снова были коричневые сандалии с жестяными пряжками. На плечах — серая курточка с накладными карманами. Из рукавов высывались манжеты белой рубашки. По краям они были серыми и залоснились. А на пальцах — царапины и обломанные ногти. Я пнул на ходу носком сандалии ржавую консервную банку, и она, загремев, полетела вперёд и нырнула в кусты крапивы у самой щели.

Я присел на корточки и заглянул в щель. На той стороне глохла тишина и всё так же лежали лысые автомобильные покрышки и ржавые зубчатки.

Я придвинулся к ящикам, сунул руку в щель и разжал кулак. Голубое стекло, тихо звякнув, упало на другие осколки на дно ящика.

Может быть, его найдёт ещё кто-нибудь, кто захочет побывать в своём детстве?

Когда я поднялся на ноги, не было больше ни гаража, ни сандалий с жестяными пряжками, ни курточ-

ки с накладными карманами. Был глухой переулок, старый дощатый забор, два новых дома слева и новый дом справа. На ногах моих были чёрные, хорошо вычищенные туфли, аккуратно отглаженные брюки, а на плечах — тёмно-синий пиджак.

Вечером, по дороге на вокзал, я специально сделал большой крюк к парку. У памятника Калмыкову остановился и опустил чемодан на тротуар.

Бетал смотрел вдаль.

Что думал он о нас, теперешних? О своём народе, о республике, о жизни, которая пришла?

И как умел он хорошо улыбаться тем, кто добивался чего-нибудь, хоть самого малого, но очень нужного для Завтра! До сих пор я помню его улыбку.

— Ну, что, джигит? Сегодня — «отлично»? Вот всегда так нужно.

— Прощай, Бетал, — тихо сказал я. — Не знаю, когда мне снова доведётся побывать в этом городе. Жизнь летит с такой скоростью, что едва успеваешь делать самое главное. Не знаю, увижу ли тебя когда-нибудь ещё раз. Но — спасибо! За эти горы. За детство. За твою улыбку. И за науку — идти только вперёд.

Рис. Ю. Шабанова

«Да, я солдат...»

Он и теперь сохраняет солдатскую выправку. И такая же выправка у его стихов — его стихи опалила война:

*Я душу вынес из огня,
Через кольцо блокад.*

*Ты песней жизни для меня
Остался, Ленинград!*

Михаил Александрович Дудин — участник героической обороны Ханко и обороны Ленинграда. Его и в Союз писателей приняли прямо на фронте весной 1942 года. В прифронтовом лесу близ Пулкова над умирающим товарищем услышал поэт томительное пение соловьёв, и оно зазвучало в его стихотворении как обещание торжества жизни над смертью, хотя шли тяжёлые бои и до Победы оставалось три года. «Военная Нева», «Фляга», «Дорога гвардии» — так назывались книги Дудина военных лет.

...Поэт любит бродить по Ленинграду. Только эти прогулки не отдых для души: всюду подстерегают воспоминания. Где-то здесь, сам измождённый от голода, в шинели, которая на нём болталась (он весил 43 килограмма!), поднял со снега незнако-

Михаил ДУДИН

Из стихов о войне

* * *

*Я воевал, и, зная, недаром
Война вошла в мои глаза.
Закат мне кажется пожаром,
Артподготовкою — гроза.*

*На взгорье спелая брусника
Горячей кровью налилась.
Поди попробуй улови-ка
И объясни мне эту связь.*

*Года идут, и дни мелькают,
Но до сих пор в пустой ночи*

*Меня с постели поднимают
Страды военной трубачи.*

*Походным маршем дышат
ямбы,
Солдатским запахом дорог.
Я от сравнений этих сам бы
Освободился, если б мог.*

*И позабыл во имя мира,
Как мёрз в подтаявшем снегу,
Как слушал голос командира,
Но что поделать — не могу!*

*Подходят тучи, как пехота,
От моря серою волной.
И шпарит, как из пулемёта,
По крыше дождик проливной.*

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

*Когда живущие молчат,
Тогда погибшие кричат.*

*И не во сне, а наяву
Опять летят через Неву,*

мую девочку: «Я нёс её в госпиталь. Пела сирена в потёмках отбой, и зарево после обстрела горело над чёрной Невой...» А здесь, с Литейного моста, он увидел, как вплывала в пролёт моста белоснежная льдина, в которую был «впаян человек. Нет, не солдат, убитый под Дубровкой на окаянном „Невском пятачке“. А мальчик, по-мальчишески неловкий, в ремесленном кургузом пиджачке». Такое нельзя забыть. И кажется, что капли крови проступают на голубом снегу, когда сейчас, в мирные дни, прилетает на Воронью гору снегириная стая — ведь там осталось лежать столько товарищей! «Мне всё снится военной поры пустыри, где судьба нашей юности спета...»

На ленинградских улицах Дудина многие узнают. С ним здороваются, советуются. Зелёный пояс Славы вокруг Ленинграда, мемориалы на местах боёв — во всем есть и дудинская инициатива. Проходя через Аничков мост, поэт чуть задерживается у коня, пьедестал под которым ранен разрывом снаряда. Несколько лет назад — тоже идея Дудина — здесь появилась табличка, обращающая внимание на этот незаживающий след войны.

Михаил Александрович сворачивает на Фонтанку — его ждут дела в Ленинградском областном Комитете защиты мира, который вот уже много лет по праву возглавляет он, поэт-солдат. И в сегодняшних стихах своих он заклинает людей помнить о главном долге. «Берегите Землю!» — обращается поэт ко всем нам со страстным призывом.

Наталья Банк.

Через Неву и на Берлин
Сквозь гром огня и скрежет
льдин,

На левый берег дотам в лоб
И — кровью собственной
взахлёб.

Собой к Победе мост мостят.
Они забвенья не простят.

На горькой памяти-огне
Они всегда горят во мне.

И жизни завтрашнего дня
Нет без вчерашнего огня.

Об этом мёртвые кричат,
Когда живущие молчат.

ВДОГОНКУ УПЛЫВАЮЩЕЙ ПО НЕВЕ ЛЬДИНЕ

Был год сорок второй.
Меня шатало,
От голода,
От горя,
От тоски.
Но шла весна —
Ей было горя мало
До этих бед.

Разбитый на куски,
Как рафинад, сырой и ноздреватый,
Под голубой Литейного пролёт,
Размеренно раскачивая латы,
Шёл по Неве с Дороги жизни лёд.

И где-то там,
Невы посередине,
Я увидел с Литейного моста
На медленно качающейся льдине
Отчётливо
Подобие креста.

А льдина подплывала,
За быками
Перед мостом замедлила разбег.
Крестообразно,
В стороны руками,
Был в эту льдину впаян человек.

Нет, не солдат, убитый
под Дубровкой,
На окаянном «Невском пятачке».
А мальчик,
По-мальчишески неловкий,

В ремесленном кургузом пиджачке.
 Как он погиб на Ладоге,
 Не знаю.
 Был пулей сбит или замёрз в метель.
 ...По всем морям,
 Подтаявшая с краю,
 Плывёт его хрустальная постель.

Плывёт под блеском всех ночных
 созвездий,

Как в колыбели,
 На седой волне.
 ...Я видел мир.
 Я полземли изъездил.
 И время душу раскрывало мне.

Смеялись дети в Лондоне.
 Плясали
 В Антафагасте школьники.
 А он
 Всё плыл и плыл в неведомые дали,
 Как тихий стон
 Сквозь материнский сон.

Землетрясения встряхивали суши.
 Вулканы притормаживали пыл.
 Ревели бомбы.
 И немели души.
 А он в хрустальной колыбели плыл.

Моей душе покоя больше нету.
 Всегда,
 Везде,
 Во сне и наяву,
 Пока я жив,
 Я с ним плыву по свету,
 Сквозь память человечества плыву.

Рис. Л. Коломейцевой

СТИХИ О НЕОБХОДИМОСТИ

На тихих клумбах
 Трептов-парка
 Могил в торжественном покое
 Давно горят светло и ярко
 Пионы, астры и левкой.

И за судьбу Земли спокоен,
 Её простор обозревая,
 Стоит под солнцем русский
 Ребёнка к сердцу прижимая.

Он родом из Орла иль Вятки,
 А вся Земля его тревожит.
 Его в России ждут солдатки,
 А он с поста сойти не может.

9 апреля 1945 года войска 3-го Белорусского фронта штурмом овладели городом-крепостью Кёнигсберг.

Почти семь веков эта цитадель была гнездом разбойничьего пруссачества. Отсюда, из Восточной Пруссии, двинулись на поля России в первую мировую войну полчища кайзера Вильгельма. Здесь формировались и гитлеровские орды для вероломного нападения на СССР.

С падением Кёнигсберга перестал существовать оплот германского милитаризма на востоке.

О битве за Кёнигсберг рассказывает её участник писатель Илья Миксон.

Советские солдаты на улицах поверженного Кёнигсберга.

Илья МИКСОН

„ВАША СЛАВА БЕССМЕРТНА“

После войны мне довелось побывать в бывшем Кёнигсберге трижды.

Первый раз — железной дорогой, по служебной командировке. Второй — самолётом, на праздновании тридцатилетия победы. В третий раз я попал туда морем, по пути в Европу. Теплоход «Инженер Мачульский» доставил в Калининград заводское оборудование. На Рёсток, для Германской Демократической Республики, предстояло взять грузовые автомобили.

Выдалась возможность организовать для экипажа городскую экскурсию «По местам боёв». Мы заполнили автобус, и молодая женщина, уроженка Калининграда, взяла микрофон:

— Наш город — крупный индустриальный, транспортный и культурный центр Российской Федерации на крайнем западе Родины, у берегов Балтийского моря...

Мы колесили по Калининграду и его окрестностям, дружно смотрели направо и налево, выходили из автобуса, покорно возвращались

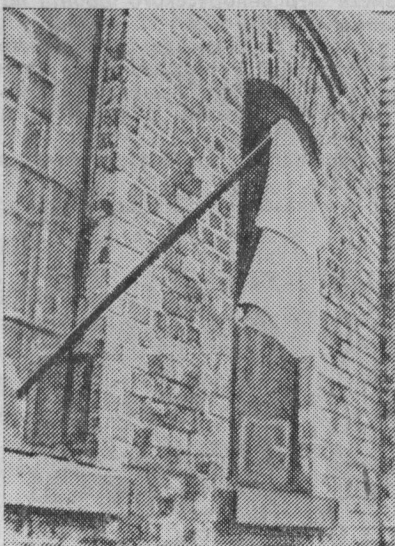
в него, слушали экскурсовода, задавали вопросы. Всё шло по отработанному плану. Но я видел и вспоминал своё. То, что не могли знать и видеть мои товарищи моряки, наш симпатичный гид. Я ведь сам был одним из участников тех уже далёких апрельских дней сорок пятого.

— Калининград — город рыбаков, машиностроителей, бумажников, крупный торговый порт на Балтике...

...После двух с половиной месяцев непрерывных сражений наша артиллерийская бригада, которая входила в состав Третьей Гвардейской артдивизии прорыва РВГК, находилась у побережья залива Фриш-Гаф. Мы вышли к морю, рвались дальше на запад. И вдруг приказ: сняться с огневых позиций, форсированным маршем уходить от линии фронта на восток и северо-восток.

Шёл проливной дождь, распутица, настроение соответствующее. В зимних и весенних наступательных боях мы понесли большие по-

Белый флаг капитуляции.

Распорядительница движения.

тери, но понемногу прибывало пополнение техникой и людьми. Из госпиталей, из тыловых резервов. Лейтенант Свиридов, недавний выпускник Рязанского артиллерийского училища, жаловался всем подряд, искал сочувствия:

— Вот тебе и на, удружили! Вместо Берлина оттаскивают к бабушке на блины!

Кто отмалчивался, кто солидно поддакивал. Конечно же, всем хотелось идти на Берлин, громить проклятое логово. Но мы, старая гвардия, — мне в ту пору стукнуло уже двадцать один, третий год на фронте, Сталинград за плечами, — мы-то знали: части и соединения резерва Верховного Главнокомандования перебрасывают с фронта на фронт не на блины со сметаной...

После тяжёлых ночных переходов, преодолев двухсотпятидесятикилометровый путь, заняли огневые позиции и наблюдательные пункты северо-западнее Кёнигсберга. В ночь на четвёртое апреля...

— Гитлер любил громкие фразы. Специальным приказом Сталинград был назван «Крепостью Сталинград», хотя там не было ни стен с бойницами, ни фортификационных сооружений.

Кёнигсберг изначально строился крепостью, оборона его совершенствовалась семь столетий. Фашистская пропаганда убеждала весь мир, что ни одна армия не сможет взять город!

...Он и в самом деле казался неприступным. Пятьдесят километров противотанковых рвов, четыре линии окопов, густые ряды колючей проволоки, железобетонные надолбы — «зубы дракона». Внешний оборонительный обвод охватывал город со всех сторон и упирался в залив Фриш-Гаф. В шести-семи километрах от центра — громадные форты с гарнизонами до пяти тысяч солдат и офицеров. Внешние форты именовались «ночной рубашкой Кёнигсберга». Но были и внутренние — двенадцать кирпичных бастионов, врезанных в склоны старинного Литовского вала.

Двадцать семь фортов: «Король Фридрих Вильгельм II», «Квендау», «Шарлотта», «Лендорф», «Дер Донна»...

— Кроме фортов, было девятьсот дотов и дзотов, тысячи орудий, сотни танков, стосорокатысячное войско. Пригородные населённые пункты были превращены в узлы сопротивления. Улицы и дома города образовали круговую оборо-

Их взяли в плен под Кёнигсбергом.

ну: каждое кирпичное здание — огневая точка, траншеи между домами, баррикады, электромагнитные поля на площадях и перекрёстках улиц. Командир гарнизона генерал Отто Ляш управлял войсками из двадцатидвухкомнатной землянки, перекрытой пятью метрами грунта и железобетона. Сейчас здесь музей штурма Кёнигсберга. Мы приехали к нему, прошу выйти из автобуса!

...Генерал Отто Ляш сидел со своим штабом почти в самом центре Кёнигсберга, неподалёку от площади с конной статуей «железного канцлера» Отто фон Бисмарка. Тогда, в апреле сорок пятого, кайзеровская каска Бисмарка была продырявлена снарядом от танка Т-34.

Памятник потом снесли, убрали вместе с прочими развалинами. Ныне здесь — площадь Героев.

— Главная ось штурма проходила с юго-востока, откуда наступала армия генерала Галицкого, на северо-запад, где бились гвардейцы генерала Белобородова.

...Наша дивизия входила в состав 43-й армии Белобородова. В полосе наступления были три форта внешнего обвода — «Королева Луиза», «Лендорф» и «Король Фридрих Вильгельм II». «Король» значился на картах фортом № 5.

Угрюмые остатки форта № 5, окружённого широким рвом с во-

дой, сейчас — в зелёном парке. Деревья, аллеи, декоративные шпалеры кустарника, яркие цветочные клумбы... По мутной глади воды плывёт бумажный кораблик, запущенный в тихий рейс мальчиком в белой тенниске. Щебет птиц, тишина...

...Штурм начался шестого апреля в 9.00. После трёхчасовой ураганной артиллерийской канонады пехота пошла вперёд. Нам, артиллеристам, был дан приказ: «Действовать дерзко, не останавливаясь перед выездом на открытые позиции впереди пехоты».

Действовали так, как и было приказано. В первый день боя продвинулись лишь на три километра, но семь внешних фортов заняли и вышли к городским окраинам.

7 апреля. Тяжёлые бои у железнодорожной линии Кёнигсберг — Пиллау. На юге наши войска форсировали реку Преголи. На опоре моста до сих пор можно различить надпись: «Здесь первыми прошли гвардейцы полковника Толстикова».

С утра 8 апреля штурм возобновился. В пылающий Кёнигсберг ворвались наши миномётчики, следом — батарея старшего лейтенанта Владимира Алхимова, Героя Советского Союза. На тридцатилетие Победы я прилетал в Калининград вместе с ним, и мы долго бродили не по туристическим до-

рогам, а по давним тропам войны...

— Утром восьмого апреля в районе вагоностроительного завода решалась судьба штурма. Соединение армий Галицкого и Белобородова означало неминуемый разгром гитлеровского гарнизона. Фашисты с бешеной отчаянностью бросались в контратаки, но — тщетно! Во второй половине дня в районе, где сейчас кинотеатр «Победа», ударные части наших войск соединились.

...В тот день и в ту ночь мы недосчитались многих наших боевых товарищей. Погиб майор Санников, поднявший штурмовую группу в атаку. Ценою своей жизни восстановил телефонную связь сержант Перестроин... Ночью из репродукторов, развешенных на домах, многократно звучало обращение Советского командования к войскам кёнигсбергского гарнизона с требованием немедленной капитуляции. Но фашисты ещё на что-то надеялись. Или верили в непреступность прусской цитадели?

«Крепость» Сталинград стояла 200 дней и ночей. И — выстояла! Германской крепости Кёнигсберг удалось продержаться четыре дня и три ночи.

— В пять часов вечера девятого апреля немецкий полковник вышел с белым флагом. В девять вечера генерал от инфантерии Отто Ляш подписал ультиматум Советского командования и отдал приказ о прекращении военных действий.

...Отдельные очаги ещё сопротивлялись, упорствовали форты «Врангель» и «Дер Донна». Красное знамя вспыхнуло на зубчатой башне форта «Дер Донна» лишь утром десятого апреля.

Из города выводили бесконечные колонны военнопленных.

Шли и шли вчерашние рабы и заключённые — французы, голландцы, поляки, русские... Казалось, в Кёнигсберг насильно свезли представителей всей Европы.

Но до конца войны ещё оставалось ровно тридцать суток. И не всем суждено было дожить до светлого Дня Победы.

С постамента, иссечённого осколками снарядов и пулями, взирал на поверженную прусскую столицу Фридрих Шиллер. Он и поныне стоит здесь, на новой Театральной площади.

И в бывшем зоопарке — зоопарк. Жуткое зрелище увидели мы тогда в кёнигсбергском зоологическом парке. В бессильной злобе перебили фашисты из автоматов всех птиц и зверей. В вольерах и клетках, в открытых бассейнах и закрытых сетками прудах лежали и плавали мёртвые «братья меньшие». Был жив только бегемот, раненный двумя пулями. Смотритель ухаживал за ним. Ему помогал русский военный врач. Всё это я видел тогда, в апреле сорок пятого. И запомнил навсегда.

Но лишь в свой третий приезд постоял я в кафедральном соборе на Центральном острове у могилы великого немецкого философа Иммануила Канта. И тогда, в дымное апрельское утро, находился я совсем рядом, только не до исторических достопримечательностей было...

— Мы едем по Гвардейскому проспекту к памятнику героям, погибшим во время штурма Кёнигсберга шестого — девятого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года. На мраморных надгробиях написаны золотыми буквами имена тысячи двухсот гвардейцев.

...Я искал и находил знакомые, дорогие мне имена.

На обелиске мемориала высечены слова:

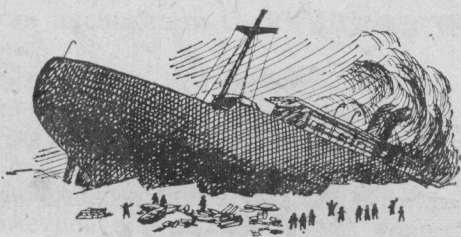
Отечество воспитало вас героями.

И героически бились вы за Отечество.

Ваше мужество было беспримерным.

Ваша воля была непреклонной.

Ваша слава бессмертна.

Василий ОСТРОВСКИЙ

Рис. Н. Котляревского

ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ

При самом входе в музей, прямо над головами посетителей, висит самолёт лётчика М. С. Бабушкина. Его любовно называют «дедушкой полярной авиации». Самолёт невелик. Но когда-то на таких «этажерках» и летали. И совсем не случайно, что именно полярные лётчики стали первыми Героями Советского Союза. Случилось это во время похода Отто Юльевича Шмидта на судне «Челюскин».

«Челюскин» не был ледоколом. В шутку его даже прозвали «водоколом». Предполагалось, что впереди «Челюскина» пойдёт ледокол «Красин». Но у «Красина» сломался вал и к окончанию плавания он ничем уже не мог помочь «Челюскину».

А «Челюскин» между тем начали окружать льды. Бороться с ними судну было не под силу. Очередная «атака» океана — сжатие льдов — произошла 13 февраля. Через ледовое поле к «Челюскину» пошёл огромный ледяной таран. Первым же ударом был разорван борт судна. После второго удара в трюмы и машинное отделение хлынули потоки воды.

— Все на лёд! — раздалась с мостика команда.

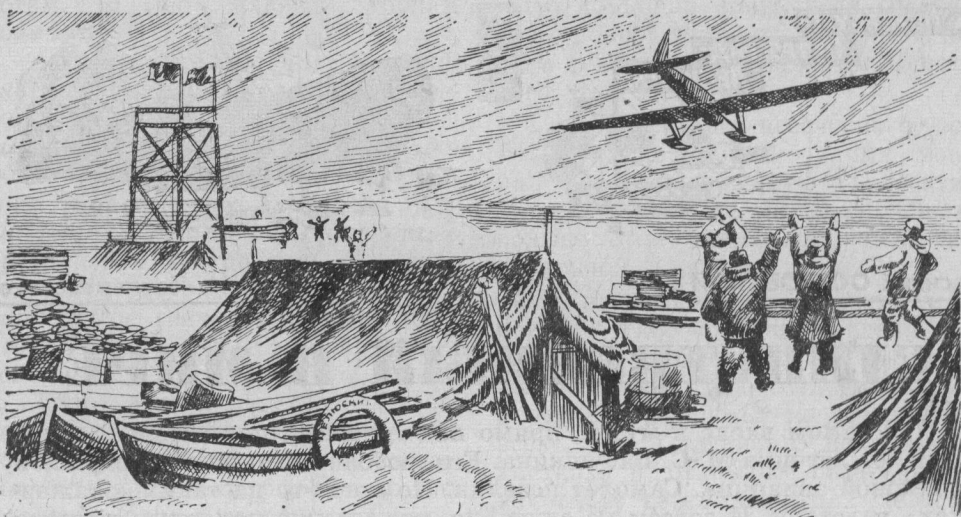
И когда «Челюскин» затонул, в далёком Чукотском море, в 150 километрах от материка, на льдине длиной 160 и шириной 150 метров появился «Ледовый лагерь Шмидта». В тридцатиградусный мороз строили люди бараки, кухни, а главное — аэродром. Страна услышала рацию Эрнста Кренкеля, и тут же было принято решение: спасти челюскинцев!

Не хотел Ледовитый океан отдавать своих пленников: снова и снова сжимались льды — ломали аэродром, раскололи пополам с таким трудом построенный барак, снесли кухню... Но челюскинцы — их было 114 человек — не сдавались. Вновь и вновь восстанавливали они поле аэродрома, очищая его от торосов. А в часы отдыха слушали лекции О. Ю. Шмидта о современном естествознании, об истории науки, проводили конкурс на лучшего чтеца стихов индийского поэта Рабиндраната Тагора и даже выпускали стенгазету «Не сдадимся!».

К Чукотке уже летели самолёты полярной авиации. 5 марта, сделав два круга над аэродромом, плавно опустился на лёд первый из них. Конечно, все в лагере повскакали, бросились к нему и... натолкнулись на широкую полынь. Пришлось бежать назад в лагерь — за шлюпками. Лётчик Анатолий Ляпидевский и лётный наблюдатель Петров разместили в самолёте (в тесноте, да не в обиде!) первых пассажиров — женщин и детей. Дружное «ура!» проводило взлётную машину.

Окончание. Начало в «Искорке» № 2, 3.

А из Ванкувера и Уэлена летели к челюскинцам новые самолёты. Пробирались сквозь пургу. Порой ломались в пути, совершали вынужденные посадки, ломали о ледяные торосы шасси, на ходу ремонтировались и вновь пробивались к ледовому лагерю Шмидта. Один за другим — Маврикий Слепнёв, Сигизмунд Леваневский, Николай Каманин, Василий Молоков, Михаил Водопьянов, Иван Доронин!.. Они увозили челюскинцев в кабинах лётных наблюдателей, в парашютных ящиках под крыльями. Сначала по пять, потом по шесть человек. Они летали с материка на льдину по три, четыре раза в день. 15 апреля самолётами Водопьянова, Каманина и Молокова были вывезены последние шесть челюскинцев. Даже собак не оставили в беде — восемь собак перелетели в самолётах на материк.

Вот тогда-то, в 1934 году, и родилось в нашей стране гордое звание — Герой Советского Союза. Первыми Золотые Звёзды Героев получили лётчики, спасавшие челюскинцев. Золотой Звездой № 1 был награждён Анатолий Ляпишевский, первым прилетевший на льдину к челюскинцам.

Вся страна жила покорением Арктики. Героев-полярников знали по именам. В кинотеатрах шли документальные фильмы о ледоколах и зимовках. Газеты печатали очерки о работе в Арктике. В Москве, Ленинграде, Архангельске устраивались передвижные выставки, рассказывающие о далёких северных землях. Ведь вместе с полярниками шли в Арктику кинооператоры, фотографы, художники... А 20 ноября 1930 года Президиум ЦИК вынес постановление о создании в Ленинграде Музея Арктики. Ленгорсовет подобрал для него помещение, и 8 января 1937 года музей распахнул свои двери.

Весть об открытии музея разнеслась по всей планете, удивила и обрадовала полярных исследователей других стран: ведь нигде в мире не было больше такого музея! (Да и до сих пор нет!) Многие из первопроходцев Арктики посчитали за честь прислать в Ленинград свои книги, фотографии, вещи. Экспозиция музея стала пополняться.

В 1939 году в Музей Арктики поступил, наверное, самый дорогой экспонат — палатка папанинцев!

21 мая 1937 года в 11 часов 35 минут лётчик М. Водопьянов на самолёте «Н-170» доставил эту палатку на Северный полюс. Тем же

самолётом прилетел туда и начальник экспедиции О. Ю. Шмидт. О встрече с полюсом он рассказывал так:

«Присмотрелись, где же мы находимся. Ведь мы не дети, мы знали, что земная ось не торчит так, чтобы была видна, хотя мы и получили на полюсе ряд остроумных телеграмм и пожеланий, вроде того, чтобы «хорошенько смазать ось, а то она поскрипывает в последнее время»... И вот мы оглядываемся: солнца нет, видимость прекрасная, далеко, на 50—70 километров видно. Взошли на торос. Куда ни взглянешь, со всех четырёх сторон всюду одинаково — лёд, лёд и лёд. Величественное одиночество ничем не нарушается. Полюс величествен, но не резкими контрастами, а своим покоем. Таких и должен быть полюс, — вечно — очень много миллионов лет — существующий, как-никак «верхушка» нашего земного шара!»

Палатку распаковали, установили на «верхушке» земного шара. Рядом с нею подняли высокую радиомачту, поставили метеорологические приборы, лебёдку для измерения глубин. Ведь наши люди прилетели на полюс исследовать подлёдные течения, измерить температуры, определить химический состав льда и воды на разных горизонтах, провести биологические исследования...

Настал день, и самолёты улетели. В палатке остались четверо зимовщиков: сам Иван Дмитриевич Папанин — опытный полярник, организовавший станции в бухте Тихой и на мысе Челюскин; радист Эрнст Теодорович Кренкель; ещё один челюскинец — гидробиолог Пётр Петрович Ширшов; геофизик Евгений Константинович Фёдоров, не раз зимовавший с Папаниным за Полярным кругом. Был ещё и пятый член экспедиции — пёс Весёлый. Своё появление на «верхушке мира» он озаменовал тем, что стащил у Папанина несколько ромштексов. Прямо с примуса, со сковородки!

19 июня в 5 часов 5 минут утра Эрнст Кренкель записал в радиожурнал: «Отчётливо слышен над нами шум мотора». Это летели Валерий Чкалов, Георгий Байдуков и Александр Беляков. На верном своём «АНТ-25» они совершали первый трансарктический перелёт: Москва — Северный полюс — Америка.

Отправляясь в дальний путь, Валерий Чкалов заметил: «Мы — первые, но не последние». И оказался прав. Месяца не прошло с момента перелёта чкаловской тройки, как 12 июля 1937 года с того же Щёлковского аэродрома взлетел другой «АНТ-25». Командовал им Герой Советского Союза Михаил Громов. Экипаж не только пролетел над Северным полюсом, но и установил рекорд дальности полёта, приземлившись намного южнее Лос-Анджелеса. Кренкель принял их радиogramму: «Привет завоевателям Арктики — Папанину, Кренкелю, Ширшову, Фёдорову...» — и тут же ответил: «Взаимный ответ советским орлам».

Папанинцы ожидали, что самолёт Громова сбросит им почту, и даже рисовали на ледяном поле огромные круги, разбрызгивая веником разведённую в бидоне краску. Но самолёт прошёл где-то рядом... Нет, самолёт не промахнулся, он пролетел точно над полюсом, это льдина, на которой жили полярники, уже покинула «верхушку мира».

Вместе с льдиной плыла и палатка. Велика ли она была? Совсем не велика: 3,7 метра в длину, 2,5 метра в ширину и 2 метра в высоту. Каркас её был сделан из дюралюминиевых труб. Веса палатка 35 килограммов. Сегодня любой посетитель музея может заглянуть в одно из её окон и увидит четыре койки — по две друг над другом, стол с рацией Кренкеля, ещё один, общий, стол и обычные

инструменты, такие есть в любом доме... Пол — надувная подушка. Крыша — брезент с прокладками из гагачьего пуха. Сверху на чёрной поверхности палатки чётко читаются буквы: «СССР. Дрейфующая станция Главсевморпути. 1937».

1 августа одиночество папанинцев было нарушено: пожаловала белая медведица с двумя медвежатами. «Они приближались осторожно, — рассказывал потом Евгений Фёдоров, — с любопытством и опаской поглядывая на необычное строение в ледяном царстве. Крутящийся ветряк, внезапно появившийся человек и собака испугали зверей. Всё семейство повернуло обратно. Кренкель начал их преследовать. За Эрнстом побегал Папанин; Ширшов и я встали на лыжи. Обгоняя всех, помчался вперёд сорвавшийся с привязи наш друг Весёлый. Вскоре собака скрылась из виду... Медведи исчезли в низком тумане среди торосов. Все успокоились. Часа через три вернулся Весёлый, он устал от погони. Собака тяжело переносила неудачу, виновато скулила и тёрлась о ноги Эрнста».

1 февраля льдина раскололась. Палатка оказалась на обломке длиной всего лишь 300 и шириною 200 метров. Ещё одна трещина прошла прямо под нею. Спустя неделю на палатку навалилась настоящая беда: снежная буря разорвала её! Папанинцы построили себе снежный домик и перебрались туда. Но работа не прекращалась...

Родина уже спешила на помощь отважным. Готовились снять их со льдины. 19 февраля «Таймыр» и «Мурман», пробившись через ледовые поля, почти вплотную подошли к папанинской льдине. Полным ходом шёл сюда и «Ермак». Кренкель в последний раз отстукал ключом радиотелеграфа: «Бесконечно счастливы рапортовать о выполнении порученного нам задания... В этот час мы покидаем льдину на координатах 17°54' нордовой, 19°48' востовой, пройдя за 274 суток дрейф свыше 2500 километров... Красный флаг нашей страны продолжает развеиваться над ледяными просторами...»

Красному флагу ещё не раз предстояло развеиваться под леденящим ветром. Если взглянуть на макет северного купола земного шара, что вращается в центральном зале музея, то можно увидеть на нём красные флажки дрейфующих станций «СП-2» «СП-3», «СП-16», «СП-24»...

А в соседнем зале можно прочитать письмо, оставленное на льдине и вернувшееся в Ленинград: «Внимание! Всем морякам, исследователям!

Здесь, на этой льдине, 16 апреля 1957 года на широте 82.09 с. долготы 195.30 в. была организована дрейфующая станция «Северный полюс-7» Союза Советских Социалистических Республик.

Истинный дрейф льдины за два года составил 2500 км. В 1959 году станцию стало выносить в пролив между Шпицбергом и Гренландией. Поскольку основная задача, поставленная перед станцией, была выполнена, было принято решение эвакуировать её...

Мы закончили свою работу и оставляем эту льдину 11 апреля 1959 года...

Здесь на льдине мы оставили часть оборудования, несколько домиков старой конструкции, несколько палаток и значительное количество доброкачественного продовольствия.

Всех, кто найдёт нашу льдину и обнаружит это письмо, просим сообщить её местонахождение (координаты) по следующему адресу: СССР, Ленинград, Фонтанка, 34, Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт Главного управления Северного морского пути Министерства Морского флота.

Продовольствие, оставленное на льдине, всем разрешается использовать по своему усмотрению.

Начальник дрейфующей станции СП-7 Белов Н. А.».

Письмо это было найдено в мае 1961 года канадской группой полярников в районе Баффиновой Земли и переслано по адресу. Арктика перестаёт быть таинственной и покоряется отважным.

На втором этаже музея стоит столб-указатель. Стрелки, направленные в разные стороны, сообщают: «Москва — 14 217 км», «Ленинград — 14 893 км», «Южный полюс — 2 598 км», «Луна — 384 417 км», «Аэропорт — 953 м»... Этот столб стоял до музея в посёлке Мирном в Антарктиде, а недалеко от него на стене дома висела табличка: «Ул. Ленина, 4». О подобном, наверное, даже и не мечталось Фадееву Беллинсгаузену и Михаилу Лазареву, когда они на шлюпах «Восток» и «Мирный» подошли к совершенно безлюдному, закованному в вечный ледовый щит шестому континенту. Тогда, в январе 1820 года, они и открыли этот материк — Антарктиду. 751 день длилось их плавание на шлюпах, а в наши дни турбовинтовые самолёты «Ил-18» тратят на визит в Антарктиду всего лишь 86 часов лётного времени.

30 ноября 1955 года из Калининграда к далёким берегам отправилось флагманское судно Первой советской антарктической экспедиции «Обь». Возглавлял экспедицию доктор географических наук Герой Советского Союза М. М. Сомов. 5 января «Обь» спустила трап на кромку припая ледового континента. На карте Антарктиды появилось новое название: «Мирный».

2 апреля 1956 года в глубь материка вышел первый санно-тракторный поезд: два трактора и шесть саней. На некоторых санях ехали балки (домики). Уже через два дня поезд оказался на высоте 1000 метров. А дорога всё шла и шла на подъём. Никогда ещё ни М. М. Сомов, ни десять его спутников не встречались с такими лютыми морозами и пронизывающими ветрами. 4 мая экспедиция достигла своей цели: на высоте 2700 метров была открыта первая внутриконтинентальная научная станция «Пионерская»!

Кроме Южного полюса был в Антарктиде ещё один — Полюс недоступности. Сейчас его называют несколько иначе — «Полюс относи-

тельной недоступности». Санно-гусеничный поезд Третьей экспедиции достиг его. И сделать это помогли «Пингвины»... То, что наш Кировский завод в Ленинграде выпускает трактора «Кировец», — ни для кого не секрет. Но далеко не каждый знает, что в его цехах родились и «Пингвины» — юркие и сильные вездеходы. Сейчас в музее стоят рядом нарты Роберта Скотта, с таким великим трудом добравшегося до Южного полюса, и модель «Пингвина». При Четвёртой советской антарктической экспедиции на помощь «Пингвинам» пришли «Харьковчанки» — и добрались до Южного полюса.

1 декабря 1959 года двенадцать государств подписали Договор об Антарктике. «В интересах всего человечества, — говорится в нём, — Антарктида должна и впредь использоваться исключительно в мирных целях и не должна стать ареной или предметом международных разногласий». Сегодня под этим документом стоят уже подписи представителей более тридцати государств.

Полярники любят свой музей. Они дарят ему книги, привозят фотографии, чучела зверей и птиц, картины... Много лет сетовали они в шутку на то, что никак не могут доставить в музей северное сияние — самое красивое, что есть в Арктике.

Теперь и северное сияние появилось в музее. Его создал художник О. Х. Тарасян. Не нарисовал, а именно создал — сконструировал. Стоит лишь щёлкнуть выключателем — и над далёким заснеженным посёлком вспыхнут световые снопы, заколышутся разноцветные ленты, словно под ветром задрожат цветочные занавеси, задвигнутся по тёмно-синему небу, станут переливаться всеми цветами радуги. Глаз не оторвать!

и по мотивам азербайджанского фольклора

авным-давно жил на свете человек. Никого у него не было, кроме сына единственного — Ахмеда. Очень сильно любил отец своего сына, ничего для него не жалел. День-день-

ской трудился, умножая своё богатство, чтобы ни в чём его сыну не было отказа.

Шли годы. Вырос Ахмед и стал статным, красивым юношей. Глаз радовался, глядя на него. И добр он был, и пригож, и для друзей хорош. Но был у Ахмеда один недостаток — не любил он трудиться. Всё дал ему отец, а вот любви к труду не привил, потому что всё делал один. Уж очень любил он своего сына!

А годы идут. С каждым годом Ахмед — всё сильнее и краше, а отец — всё старше и слабее. И вот как-то позвал его к себе отец и сказал:

— Ахмед, сын мой, тебе уже восемнадцать лет. Я старею и силы у меня уже не те. Займись делом. Научись сам себе зарабатывать на жизнь. А то трудно тебе придётся, я ведь не вечен. Подумай, сынок.

— Да, ты прав, отец. Я подумаю.

Только ничего не изменилось с того дня. Всё так же беззаботен был Ахмед, всё так же веселился со своими друзьями.

Но вот занемог отец. Настал его последний час.

— Подойди ко мне, сын мой, —

сказал он. — Я умираю и с тяжёлым сердцем ухожу из этого мира. Ты много раз обещал мне взяться за дело, но всё это было обманом. Не меня ты обманывал, сынок, а себя. Нет хуже такого обмана.

Закричал Ахмед в отчаянии:

— Не умирай, отец. Не оставляй меня одного. Что я буду делать без тебя? Слышишь!

— Слышу, Ахмед, слышу. А теперь ты меня выслушай. Хочу я тебе дать три совета.

Когда я умру, непременно, сынок, женись, потому что человек не должен жить один, у него должны быть семья и дети. Нет счастья выше этого. Но знай, прежде чем жениться на любимой девушке, обязательно взгляни на неё, сынок, рано утром. Это тебе мой первый совет.

Ахмед хотел что-то сказать, но отец его остановил:

— Не перебивай меня. Слушай дальше. Никогда не играй в кости, а если ты всё-таки станешь играть, то только с самым лучшим игроком.

Ахмед опять что-то хотел сказать, но отец остановил его снова:

— И третий — последний — совет. Если ты проиграешь всё до последней нитки, тебе останется одно — повеситься!

— Но, отец, неужели я такой...

— Я же тебе сказал, сынок, не перебивай, выслушай до конца. Даже если всё проиграешь, не вздумай продавать сарай, потому что я там приготовил тебе верёвку. Пойдёшь

туда и повесишься, а то может случиться, что у тебя не останется денег даже на верёвку.

Сказал отец эти слова и скончался. Похоронили отца. Долго Ахмед печалился. Но что поделаешь — жизнь есть жизнь. Одни умирают, другие рождаются. И Ахмед, конечно, успокоился.

Решил Ахмед жениться. Но вспомнил первый совет отца, вышел из дому рано утром и постучался в дверь невесты.

Слышит её голос:

— Кто там?

— Это я, Ахмед.

— Что тебе надо в такую рань?

Не долго думая, Ахмед и говорит:

— Я собираюсь в долгий путь, пришёл с тобой проститься, открой дверь — хочу взглянуть на тебя перед разлукой.

Дверь приоткрылась — Ахмед даже и не узнал свою прекрасную Фатиму. «Вчера она была очень красива. А сегодня... Что с ней? — он укусил себя за палец. — На кого она похожа сегодня?»

Захлопнул Ахмед дверь и убежал. «Из раскрашенных девушек хороших жён не бывает. Наверное, об этом ты хотела мне сказать, отец?»

Дни летели, как осенние листья. Но так и не занялся Ахмед никаким делом. Он веселился с друзьями, играл с ними в кости, жил легко и считал себя самым счастливым человеком на свете. И вот как-то вспомнил он слова отца: «Если уж станешь играть, то играй с самым лучшим игроком». Узнал Ахмед, что зовут знаменитого игрока Гасаном, и решил во что бы то ни стало с ним сыграть.

Долго искал он его. Была непогода, шёл сильный дождь, под ногами — грязь. Друзья советовали Ахмеду вернуться, но тот стоял на своём:

— Я должен с ним сыграть, это совет отца.

Наконец, нашли они полуразвалившуюся грязную лачугу. Толкнул Ахмед дверь — и увидел перед собой худого жалкого старика в лохмотьях.

— Это ты — Гасан, знаменитый

игрок? Я пришёл с тобой сыграть в кости. Я богат — проиграю, не жалко.

— Да, это я.

— Что ты делаешь здесь, в этой жалкой лачуге... один?

— Я живу здесь, Ахмед. Поверь мне, когда-то и я был молод, силен, знаменит. Но богатство, которое легко достаётся, так же легко и теряется. Однажды я всё проиграл, и друзья меня сразу бросили. В этой жалкой лачуге я доживаю свои последние дни, и лишь совы да ветер теперь мои верные друзья. Не играй в кости, Ахмед, иначе и тебя постигнет такая же участь.

Но упрям был Ахмед. Не послушал он и старого Гасана. Кончилось тем, что проиграл он всё, что оставил ему отец.

Продал он дом. Ходил в оборванной одежде. И есть ему было нечего. И друзья давно его покинули — ведь он стал беден.

Что оставалось делать Ахмеду?

Тут-то и вспомнил Ахмед про сарай. «Ах, отец, теперь-то я понял, как мне нужно было жить. Но поздно. Время назад не вернёшь».

Взобрался Ахмед на скамью, просунул голову в петлю и оттолкнул скамью ногой. Но верёвка оборвалась, и Ахмед упал на пол. Вместе с ним упал какой-то мешочек. Взял Ахмед мешочек, заглянул в него — а там золото и записка.

Задрожал Ахмед от радости, схватил золото и выскочил из сарая. «Ну, спасибо тебе, отец, видно, и вправду ты меня очень сильно любил, в самый трудный момент мне помог, — думал он. — Теперь я снова могу жить, как прежде».

Но тут Ахмед остановился. «Там же была записка, а я её не прочёл».

Вернулся он в сарай, поднял записку отца и, не выпуская из рук мешка с золотом, стал читать.

Вот что писал ему отец: «Горе ты моё, горе, сынок. Я знал, что ты рано или поздно вернёшься сюда. Видно, правильно говорят — что посеешь, то и пожнёшь. Но... попробуй ещё раз начать всё сначала. Дам я тебе последний совет. Посмотри внимательно на свои руки, Ахмед. Они у тебя сильные. В твоих руках — твоё богатство! Подумай хорошенько над этим, сынок».

У нас так говорят: «С неба ли, от аллаха ли, упали на землю три яблока мудрости — одно для того, кто это вам рассказал, другое — для Ахмеда, а третье — для тех, кому оно всего нужнее».

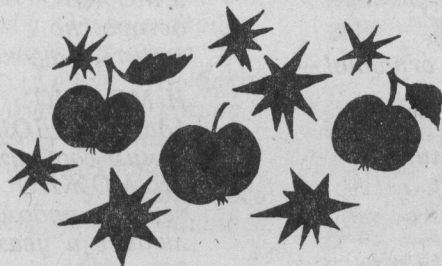

Рис. Ю. Бочкарёва

«Везде на свете — очень интересно»

К 75-летию С. В. Погореловского

Настоящие стихи не стареют — сами поэты становятся всё старше и старше, а лучшее из того, что они написали, не стареет никогда. Однажды узнаёшь, что Сергею Васильевичу Погореловскому скоро исполнится семьдесят пять лет, и не веришь этому, потому что привык его видеть всегда бодрым, деловым, вечно занятым неотложными общественными делами. И ещё потому, что из памяти не уходят его молодые упругие стихи:

На зарядке
На заре
На Двине
И на Днепре

Миллионы, как один,
Утро начинаем,
От Кавказа до Хибин
Плечи расправляем!..

Сергей Васильевич работает в поэзии для детей более пятидесяти лет. Работает в разных жанрах: тут и лирические стихи, и сатирические,

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Рис. Г. Ясинского

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

НЕЛЬЗЯ И МОЖНО

Весьма опасно это —
не правда ли, друзья? —
когда кругом запреты:
«НЕЛЬЗЯ!»

«НЕЛЬЗЯ!»
«НЕЛЬЗЯ!»

Их чуть не миллионы:
«НЕЛЬЗЯ ломать кусты!»
«НЕЛЬЗЯ топтать газоны!»
«НЕЛЬЗЯ срывать цветы!»
«НЕЛЬЗЯ шуметь!»
«НЕЛЬЗЯ сорить!»
«НЕЛЬЗЯ...»

Да что там говорить!

А людям — вот ведь
странно! —
запретное — желанно.

Удержишься едва ли,
нетрудно нас понять...
А что, НЕЛЬЗЯ
нельзя ли
на МОЖНО поменять?

Напомнить нам про то,
что МОЖНО кое-что.

Беречь природу — МОЖНО,
и МОЖНО не шуметь,
и МОЖНО
осторожно
ходить, — не как медведь.

И МОЖНО
(даже НАДО!)
самим соображать,
что МОЖНО
тех, кто рядом,
любить и уважать!

1982 год

и юмористические, и сказки... Вышло у поэта за эти годы около семидесяти книжек. Есть у него и ещё одна замечательно важная работа, которой он отдаёт много времени и сил,— он редактирует «детские» странички во взрослом журнале «Нева». Там Сергей Васильевич постоянно общается с молодыми поэтами и прозаиками. Для них он — не просто редактор, но строгий и доброжелательный учитель. Я бы даже сказал, учитель дотошный, въедливый. А это хорошо, когда в юности есть такой учитель: тяжело в ученье, легко в бою...

Я очень люблю стихотворение С. В. Погореловского «На зарядке, на заре», начало которого процитировал. Это стихотворение с удивительным эффектом: прочтёшь его вслух самому себе — и получаешь неожиданный заряд бодрости и свежести. Хочется движения, работы в полный мах!.. Я думаю, в этом стихотворении отражены главные особенности поэзии С. В. Погореловского: в ней есть «витамины» оптимизма, энергии, задора! Недаром одно из лучших его стихотворений — «Унылый и Весёлый» — построено на азартном противопоставлении нытья и жизнерадостности, вялости и энергии, растерянности перед трудностями и радостной готовности преодолеть их.

ВОТ КАКИЕ ПАРЫ!

Удачные пары у нас подобрались!
Не сами собой,—это мы постарались:
— За парту с Беловой садись-ка,
Чернов.
А кто с Чистяковой? А с нею — Грязнов!

Стеклову с Рогаткиной славно сидится.
Смирнов на Буянову не наглядится.
Доволен вполне Пивоваров остался,
поскольку ему Водохлёбов достался.
Малышкин — смельчак! — с Великановой
сел.
Соседку — Овечкину — Волков не ссел.

Привольно живётся теперь Тугодумовой:
всё списывать может у Остроумовой.
Сдружились отныне на веки веков
Охотников — Зайцев, Еришов — Рыбаков.
Прекрасная пара — Морозов и Жаров.
Кудрявцев с Лысенко — чудесная пара.
Жаль, Мышкиной сесть с Ивановым
пришлось:
ведь Кошкина в классе, увы, не нашлось!

1963—1984 годы

Поэт Сергей Погореловский — человек любознательный. Из его стихов вы узнаете о самых разнообразных вещах: о природе и о людях, о зверюшках и о машинах, о хлебе и о небе, о нашей Родине и о далёкой Кубе, где Сергей Васильевич прожил больше года и написал прекрасную книжку стихов «Хосе-весельчак».

«Везде на свете — очень интересно!» — в этом поэт глубоко убеждён и передаёт свою убеждённость нам.

У С. В. Погореловского много читателей. От них часто приходят хорошие письма. Но бывают письма особые, такие не каждый автор получает. Вот одно из них — письмо Владимира Викторовича Голенкина из Москвы:

«Уважаемый Сергей Васильевич! Извините за беспокойство, но мне хочется выразить Вам глубокую признательность за Ваши стихи для детей. Мой старший сын Алёша родился болезненным мальчиком. 1967—1970 годы были наполнены для меня тяжёлыми переживаниями. Однажды во время очередной напасти я думал: как же мне облегчить участь ребёнка? И вот в магазине случайно наткнулся на Ваш сборник стихов «Сказка с былью подружился». Листаю страницы и чувствую — надо его (сборник) в дом.

ТЫ НЕ БОЙСЯ, БАБУШКА

Оказалось, бабушка,
кружится Земля!
С нею люди кружатся,
горы и поля!
Оказалось, кружатся
Солнышко с Луной,
все мои приятели
кружатся со мной!

Ты ложишься, бабушка,
вечером поспать —
а кровать-то кружится!
Кружится кровать!

За стену ухватишься —
выручай, стена! —
а она-то вертится!
Вертится она!

А под нами, бабушка,
есть другой народ —
вверх ногами ходит он
и не упадёт.
Вот немного вырасту —
полечу к нему.
Но не хмурься, бабушка, —
и тебя возьму!

Только, знаешь, бабушка,
ты уж не сердись, —
походить придётся нам
головами вниз.
Постарайся, бабушка!
Трудно?.. Ну и что ж!
За меня ухватишься —
и не упадёшь!

1969 г.

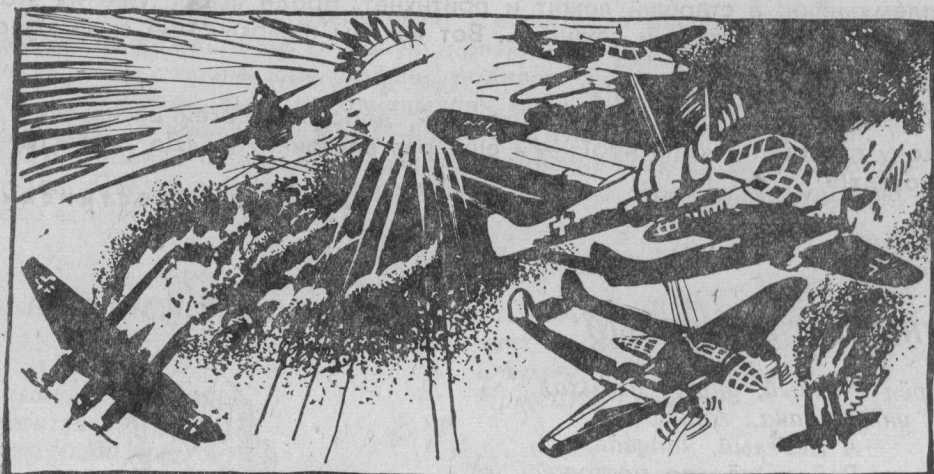

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ВЫПУСК,
посвящённый
40-летию
Победы

НАШИ

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Советские войска уже подошли к Берлину, и каждый понимал: войне вот-вот наступит конец. Понимали это и фашисты, но отборные их части оборонялись ещё жестоко...

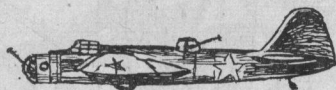
Два наших самолёта-штурмовика вылетели на задание. Летели парой — ведомый и ведущий. Один летел чуть пониже, другой над ним — позади и повыше. В паре сражаться надёжнее. Веду-

щий нападает, ведомый прикрывает. Один не заметит — увидит другой.

В этот раз врага увидели оба лётчика. Навстречу им приближалась целая армада — сорок бомбардировщиков «фоккевульф»! Фашисты послали в бой последние силы, и эти бомбардировщики должны были сбросить бомбы на наши наступающие войска.

Что делать? Наших самолётов только два, фашистов — сорок.

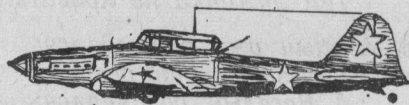
Художник нарисовал основные типы самолётов советских Военно-Воздушных Сил, на которых сражались советские лётчики.

СБ

Ил-4

Ил-2

КРЫЛЬЯ

Выходит
под редакцией
генерал-майора
авиации
П. И. ОРЛОВА

Если сообщить на командный пункт и ждать помощи, уйдет время. Успеют фашисты сделать своё дело — сбросят бомбы!

И ведущий решил атаковать!

— Атакуем! — передал он по радио ведомому. — Делай, как я, и держись! — И он начал резко набирать высоту. Ведомый понял: это чтобы, снижаясь, набрать предельную скорости!

Потом ведущий заложил вираж в сторону солнца. Ведомый понял: нападаем со стороны солнца, фашистам оно будет слепить глаза. Не сразу разберутся в чём дело.

Два советских штурмовика, как две молнии, мелькнули и врзались в строй фашистских машин. Немецкие лётчики и вправду не сразу поняли, что же случилось. Но когда один «фокке-вульф» загорелся — подняли стрельбу. Строй у бомбардировщиков был тесный, особенно не постреляешь — попадёшь в своего.

Этим наши штурмовики и воспользовались. Они вертелись среди бомбардировщиков, проделывая немыслимые виражи, и били по фашистам из всех своих пуле-

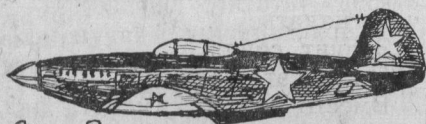

Трижды Герой Советского Союза Иван Никитич Кожедуб рассказывает пионерам о своём последнем бое.

мётов и пушек.

Строй бомбардировщиков начал распадаться: кто-то из «фокке-вульфов» уже спешил сбросить бомбы куда попало, кто-то повернул назад... Задымил и второй фашистский самолёт.

Но остальные опомнились. Они увидели, что напали на них всего два советских самолёта, а в их строю было ещё больше двух десятков машин. И оставшиеся фа-

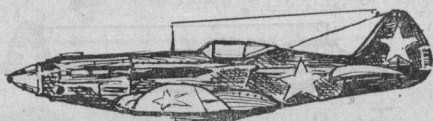
Як-3

Пе-8

Пе-2

МиГ-3

шистские самолёты начали атаковать наших штурмовиков. Если бы не мастерство советских асов, не надёжные, сильные машины, не опыт всей войны — трудно сказать, чем бы закончился для штурмовиков этот бой. Слишком уж неравными были силы.

— Прикрой меня! «Фоккер» слева! — просил по радио ведущий.

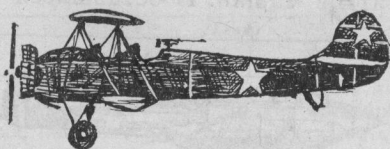
— Берегись! Справа навалились два «фоккера», — помогал ведомый.

В дикой воздушной карусели вертелись стальные машины...

Но вдруг огонь фашистов ослабел и бомбардировщики повернули назад — в небе показались наши истребители. Вызванные ведущим по радио, они пришли на помощь в самый трудный момент. Они-то и довершили разгром стаи «фокке-вульфов»...

А штурмовики наши, уходя к родному аэродрому, ещё успели догнать последний удиравший бомбардировщик и сбить его!

Ведущим в этом бою был Иван Кожедуб, ныне трижды Герой Советского Союза, и в том бою он сбил свой шестьдесят первый и шестьдесят второй самолёты врага. Бой же этот был для наших штурмовиков последним — война закончилась Победой через несколько дней.

У-2 / По-2/

Ту-2

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ С АРИФМЕТИКОЙ

Это произошло тоже в самом конце войны, когда воздушные бои велись над территорией фашистской Германии.

В одном нашем истребительном полку был молодой лётчик, который сумел сбить за войну восемь фашистских самолётов.

— Эх, — говорил он друзьям, — конечно, хорошо, что война к концу идёт. Жаль только, что свой счёт с фашистами не успею я довести до десяти, до круглой то есть цифры... Девятый самолёт, может быть, и успею сбить, а десять — наверное, нет. Наши уже Берлин окружили...

Так вот, вылетел этот лётчик в разведывательный полёт и неподалёку от Берлина встретил-таки фашиста!

Только самолёт фашистский был какой-то странной конструкции... В военных справочниках по самолётам наш лётчик такого не видел и от других опытных лётчиков про такой не слышал.

Может быть, новое оружие у фашистов?

В последние месяцы и даже в последние дни войны они бросали в бой опытные образцы танков и самолётов.

Наш лётчик осторожно облетел фашиста и дал по нему очередь! Летит... Подошёл ещё осторожнее поближе и — ещё очередь... Видит: фашистская машина начала падать.

Значит, сбил...

Но что это такое?!

Вместо одного самолёта падают и дымятся — два!

Наш лётчик, конечно, не знал, что фашисты и вправду применили новинку. Бомбардировщик без экипажа начинали взрывчат-

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

22 июня 1941 года, уже в первый день войны, воздушный таран совершили двенадцать советских лётчиков. Каждый раз это происходило во время боя, когда кончались патроны и снаряды и фашистский самолёт мог уйти от расплат.

К концу Великой Отечественной войны нашими лётчиками было совершено более четырёхсот воздушных таранов!

Небывалый подвиг совершил лётчик Александр Константинович Горовец. Только в одном бою над Курской дугой он сбил девять фашистских самолётов. Такое не удавалось никому!

кой, прикрепляли к нему сверху истребитель и пускали на важную цель. Лётчик сидел в кабине истребителя и управлял обоими самолётами. У самой цели истребитель отцеплялся и уходил, а бомбардировщик падал на какой-нибудь важный объект...

Вот так и получилось: два сбитых самолёта.

Вернулся лётчик на свой аэродром.

Докладывает: так, мол, и так, сбил одного фашиста, а упали на землю два ихних самолёта. Как считать — не знаю... То ли десять могу на свой счёт записать, то ли девять...

Доложили об этом случае командующему.

А тот рассмеялся и сказал:

— Конечно, считать — десять. Хотя случай с арифметикой, действительно, редкий. И что хорошо в нём, в этом случае: арифметика-то в нашу пользу!

В бою фашисты подбили штурмовик лётчика Степанищева. Пришлось ему садиться в расположении врага, и к штурмовику тотчас же бросились автоматчики.

Увидели это лётчики других штурмовиков и, пикируя один за другим и стреляя по фашистам из пулемётов, заставили их залечь, не давали поднять головы. А между тем, рядом с подбитым самолётом Степанищева опустился штурмовик лётчика Павлова.

Миг — и в кабине Павлова были и лётчик Степанищев, и его стрелок. Ещё миг — и Павлов взлетел...

Когда окружившие подбитый самолёт фашисты подняли головы, наши штурмовики уже уходили в сторону своих!..

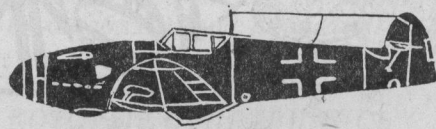
А это самолёты фашистской Германии, с которыми пришлось сражаться нашим лётчикам.

Хейнкель-111

Юнкерс-88

Мессершмитт-109

Фокке-Вульф-190

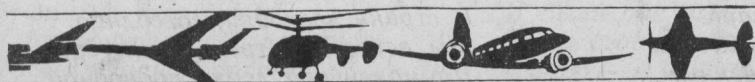

Рис. П. Вискова

**ПОЭТЫ
МИРА-
ДЕТЯМ**

В понедельник 30 января 1933 года в Германии произошёл государственный переворот и у власти стал Адольф Гитлер. Вечером во вторник 31 января в Париже выступала небольшая театральная группа «Октябрь». На сцену вышел человек, одетый во всё коричневое, со свисающим на лоб клоком волос:

*Гитлер... Гитлер... Гитлер—
Соломенное чучело...
Убийца. Провокатор...*

Это был французский поэт Жак Превер. За одну ночь он написал обозрение «Восшествие Гитлера» и сам — ещё до Чарли Чаплина — сыграл роль «диктатора».

Группа «Октябрь», душой и организатором которой был Жак Превер, объединяла актёров и литераторов самого прогрессивного, самого демократического направления довоенной Франции. За несколько лет существования группы Превер создал огромное количество пьесок, сцен, стихотворений, в которых была выражена программа Народного фронта. Много позже, уже после войны, Превер включил отдельные стихи, написанные в те годы, в свою первую книгу «Слова». Она принесла сорокашестилетнему автору поэтическую популярность.

ОДНАЖДЫ, ВЫИДЯ ИЗ ШКОЛЫ...

Однажды, выйдя из школы,
Мы встретили у порога
Живую, настоящую
Железную дорогу.
Железная дорога
В дорогу нас приглашала —
В вагоне золотёном
Вокруг земного шара.
Встретились мы сначала
С морем разгорячённым,

Гуляющим под ветрами,
С его морскими дарами:
Душистыми островами,
Роскошными штормами
И окунем копчёным.
Над морем мы встретили звёзды,
Летающие под парусами
В страну восходящего солнца.
Мы встретили трёх мушкетёров
На маленькой лодке подводной,

Однако Жак Превер уже был широко известен как автор сценариев многих французских фильмов, среди которых такие шедевры кино, как «Дети райка», «Набережная туманов», «Собор Парижской богородицы». С кино, театром, поэзией он шел рука об руку всю свою долгую жизнь. Ровесник века, он словно и не знал старости. В пятидесятые и шестидесятые годы он выпускал книги, проникнутые юношеским жизнелюбием, задором, активным неприятием зла и преклонением перед красотой, добротой, любовью...

Специально для детей Жак Превер не писал. Он владел особым поэтическим секретом, благодаря которому его стихи понятны и интересны читателям любого возраста. Одни и те же книги Превера читают и школьники, и люди, увлеченные сединой, — и каждый находит в них что-то созвучное своим чувствам, мыслям, своему жизненному опыту. Этому, наверное, помогает вот что: очень многие стихи Превера написаны как сказки или притчи — и неожиданное волшебство, возникающее прямо в реальной, подчас нелёгкой жизни, делает эту жизнь знакомой и близкой любому читателю.

Умер Жак Превер в 1977 году, а в этом году мы отмечаем 85-летие со дня его рождения. Слава поэта не проходит со временем, и в последние годы его стихи по-прежнему издаются большими тиражами — он остаётся любимым современным поэтом французского народа.

Плывущих в пучине холодной
За морскими ежами.
Возвратившись на сушу
По нашей железной дороге,
Мы встретили на дороге
Дом, со всех ног бегущий,
Дом, над землёй бегущий
И над простором морским,
От зимы — стерегущий
И готовый расправиться с ним.
Но мы по нашей дороге

За зимой пропустили,
Зиму остановили
И дальше её не пустили!..
И дом застыл у дороги —
Со стрелочницей на пороге:
— Большое спасибо! — сказала
она.

Это была весна.
И все цветы — на суше и море —
Навстречу солнцу раскрылись
вскоре
И, без разбора, у нас на пути
Принялись цвести.
Наша дорога их смять побоялась —
Наша дорога на месте осталась.
Тогда мы потопали дальше ногами:
Пешком по земле, пешком
над землёй,
Пешком по морю и над водой,
К солнцу, к звёздам,
над облаками, —
Пешком, лошадьми, поездами
И кораблями под парусами!

ПРО ДВУХ УЛИТОК, КОТОРЫЕ ОТПРАВИЛИСЬ НА ПОХОРОНЫ

Отправились две улитки
На похороны листы:
Взяли по чёрной раковинке,
Креп нацепили на рожки, —
Осенним вечером, в трауре,
Отправились по дорожке.
Увы! Добрались улитки
Как раз в разгаре весны —
И были обе улитки
Очень огорчены.
Глядят — а листья на ветках

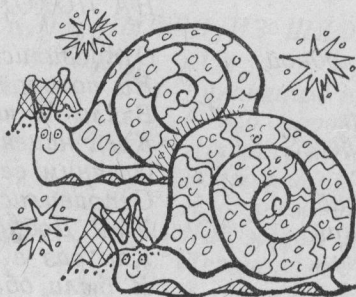
Вполне живые на вид...
 Солнце сияет в небе,
 Солнце им говорит:
 — Пожалуйста, будьте
 любезны,

Присядьте и отдохните,
 Пожалуйста, если хотите,
 По кружке пива возьмите,
 Пожалуйста, если угодно,
 Возьмите в автобус билет,
 Пожалуйста, поезжайте,
 Взгляните на белый свет,—
 Но не грустите, пожалуйста,
 Когда веселье у нас,
 Уж я-то знаю, поверьте,
 Как слёзы вредны для глаз,
 Прошу вас, ни слова о смерти,
 Особенно сейчас,
 А траур, уж вы поверьте,
 Не украшает вас!..
 И вот все звери и птицы,
 Все деревья и травы
 Принялись славить лето,
 Принялись веселиться,
 Стали свистеть на славу
 Песню тепла и света.
 И все друг другу навстречу
 Протянули бокалы с росой —
 Такой получился вечер,
 Весёлый вечер такой.
 И две улитки взволнованно,
 И две улитки растроганно,
 Взволнованно и растроганно
 Отправились домой.
 После такого веселья
 Они спотыкались немножко —
 Но луна за ними следила
 И освещала дорожку.

Перевёл с французского
 Михаил Яснов.

Рис. Ю. Бочкарёва

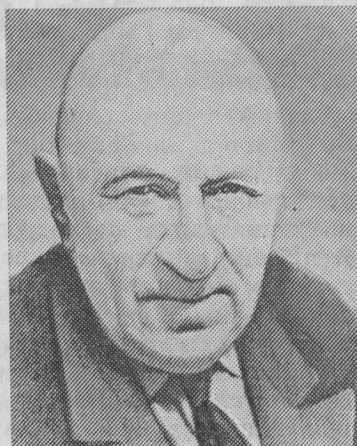
Несколько лет назад ленинградский писатель Даниил Гранин написал книгу о жизни, научной работе и судьбе профессора А. А. Любищева. Называлась она — «Эта странная жизнь». Благодаря книге Гранина имя А. А. Любищева стало известно не только учёным, но и самым обыкновенным читателям. А мы решили рассказать об Александре Александровиче Любищеве школьникам, читателям нашего журнала. «Искорка» приурочила материал о нём к 95-летию со дня рождения замечательного учёного.

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

ТАЙНА ПРОФЕССОРА ЛЮБИЩЕВА

Мне хотелось начать рассказ с того, что в апреле 1890 года в большом собственном доме известного петербургского богача родился странный ребёнок. Только было бы это одновременно и правильным, и неточным. Во-первых, странными дети не рождаются, а становятся. А во-вторых, никаким странным он не был. Скорее — он рано стал самостоятельным.

Самостоятельность в Александре Любищеве особенно сильно проявилась лет в одиннадцать — до того он был просто лучшим учеником в своём классе реального училища. Но вот, оглянувшись на окружающую его жизнь, он обнаружил, например, что «частная собственность — это воровство», и отказался от услуг горничных, и добился от родителей переустройства комнат для прислуги. Ещё он обнаружил, что «религия — это обман», и перестал посещать церковь. Сейчас такие поступки могут показаться нам обыкновенными, но в 1901 году в религиозной семье для них требовалась особая смелость. Всё это он сделал спокойно, но твёрдо, — так что в семье не было ни скандалов, ни споров. Хотя, конечно, для этого надо, чтобы старшие уважали убеждения младших, а младшие относились к жизни всерьёз.

Пожалуй, не совсем похожим на многих был и отец будущего профессора, тот самый петербургский богач. Он продавал в Европу крупные партии леса, и перед революцией его состояние оценивалось в 30 миллионов рублей. Революция застала его в Англии. «Обыкновенные» российские капиталисты, припрятав драгоценности, старались в это время бежать за границу. Отец будущего профессора поступил наоборот — отправился в Советскую Россию. Здесь он узнал, что его миллионы стали народной собственностью. Многие «обыкновенные» богачи от такой новости навсегда превращались во врагов своей страны. Отец будущего профессора сокрушаться не стал, он пришёл в Совет Народных Комиссаров и немедленно поступил на службу. По поручению Советского правительства он стал налаживать торговые связи между новой Россией и Европой. В Европе его знали как крупного торгового специалиста, человека надёжного, и к предложениям новой России отнеслись серьёзно.

Но вернёмся к герою нашего рас-

сказа — будущему ученому Александру Любищеву. В одиннадцать лет он внимательно посмотрел на своё отражение в зеркале и понял, что некрасив: большое лицо, крупный нос, и сам он — тяжёлый и неуклюжий. Другие бы от такого открытия страдали долго. Он же — понял это и успокоился. Решил, что просто ему надо больше заниматься науками и быть подальше от всяческих развлечений. Он не знал тогда, что красивыми людей делает их жизнь, что каждый поступок — добрый или злой — добавляет к лицу маленькую, едва заметную чёрточку, что лицо, не озарённое внутренним светом души, превращается с годами в унылую маску.

«Всё время — для науки», — решил он. А увлекался он тогда зоологией и математикой. «Надо, не тратя время попусту, изучить те серьёзные труды, которые известные учёные успели наработать за прошлые века».

Но учёных трудов было много, а времени мало.

Тогда он рассчитал день по минутам и увидел, что масса времени у него уходит, как он сам потом говорил, «в отброс». Что, например, делают люди, ожидая транспорт, — чаще попусту нервничают, а ведь транспорт от этого быстрее не подходит. Да и в транспорте люди чаще всего не заняты. «Отбросы времени» — размышлял он — можно хорошо использовать. Например, учить языки. И поскольку этих «отбросов» накопилось за жизнь много — Александр Александрович сумел лишь в транспорте выучить английский, итальянский, испанский, голландский и португальский языки. Немецким и французским он овладел ещё в реальном училище.

Постепенно он научился учитывать каждую минуту жизни — и

ходьбу в реальное училище, потом в университет, и время на еду и на сон. Он стал писать себе задание наперёд — на год, на месяц. И сам для себя писал отчёты о том, как он это время использовал.

Удивительное дело — скоро у него появилась уйма свободного времени. Сейчас в нашей жизни многие жалуются, что даже открытку близкому другу написать некогда. В архиве Академии наук письма Александра Александровича лишь за последние пятьдесят лет жизни занимают 28 томов — 12 тысяч страниц. И почти на каждой странице он рассказывает об интереснейших научных исследованиях и неожиданных озарениях мысли.

В ранней юности Александр Любищев думал, что главное для учёного — узкий научный предмет, остальное отвлекает от дела. Скоро он понял, что современная биология невозможна без математики. А чтобы осмыслить собственные открытия, надо знать философию, историю научных идей. А история мысли невозможна без истории человеческой культуры. Каждую книгу он старался прочитать на том языке, на каком писал её автор. Например, когда он в юные годы, ещё до революции, стал изучать «Капитал» Маркса, то читал его, конечно, по-немецки.

Есть люди, которые устремляются в столичные города. Профессор Любищев считал, что из столиц надо ехать в провинцию. Там спокойней работает, там больше полезного времени. Он учил студентов в Перми, в Самаре, в Ульяновске. А в столицы приезжал раз-два в году, чтобы рассказать на научной конференции о своей работе. И каждый доклад профессора будоражил умы, действовал, как внезапная вспышка.

Он переосмысливал теории, которые казались установленными раз и

навсегда. Всем нам, например, важно знать, как и почему происходит эволюция — развивается на Земле всё живое. Многие годы учёные считали, что эволюция происходит лишь благодаря естественному отбору, когда, борясь за существование, сильный вытесняет слабого. «Почему обязательно — борьба?» — удивился профессор Любищев и доказал, что помощь организмов друг другу — тоже важный фактор развития. Любищев назвал естественный отбор «великим Разрушителем, но очень слабым Созидателем».

Когда Любищев заканчивал университет, считали, что его любимый предмет — биология — навсегда останется наукой описательной, неточной. Ведь точность науке придают чёткие формулировки и стройные математические выкладки. «Физика стала точной наукой, когда научилась пользоваться математикой», — говорил Любищев. Уже в начале 20-х годов нашего века он стал вводить в естествознание математические способы исследований. Современные биологи считают, что в своих работах он опередил время на много десятков лет.

Почему всё это ему удалось? В чём причина — в способностях? В особом умении пользоваться временем?

И в этом тоже. Но есть ещё одна тайна, о которой говорят многие учёные, когда читают труды профессора Любищева.

Он умел видеть мир и природные явления целиком, как сейчас гово-

рят — системно. Ведь природа, которая нас окружает, не делится на части: химия, физика, биология. Жизненный процесс любой клетки, любого организма — это одновременно и биология, и физика, и химия, и много ещё других наук. Но мы, люди, для того, чтобы нам было проще изучить природу, однажды разделили её на отдельные кусочки — отдельные науки. Иногда такое деление нам помогает, а иногда учёные похожи на слепцов из легенды, что ощупывали разные части слона. И слепец, который трогал слоновью ногу, уверял, что слон — это большая колонна, а тот, что держался за хобот, говорил, что слон — это толстая верёвка. Профессор Любищев говорил, что наука будущего обязательно вернётся к целостному познанию мира. Он писал об этом одним из первых — и сейчас всё больше учёных поддерживают эту мысль.

Есть учёные, которые при жизни успевают напечатать все свои научные труды. У других — работы печатаются ещё многие годы после их жизни, каждая новая публикация — и вызывает споры учёных, и ускоряет развитие науки. Они, как звёзды, — угаснув, ещё долго освещают наше небо. Таков и профессор Любищев.

Через пять лет исполнится сто лет со дня его рождения. Сейчас учёные готовят к публикации немало его трудов. Возможно, некоторые из них прочтёшь и ты, мой читатель, — в популярных журналах «Техника молодёжи» или «Знание — сила». А возможно, за эти годы ты приобретёшь знания, которые помогут тебе разобраться и в более серьёзных его статьях. Ведь, как понял однажды профессор Любищев в своей юности, — время не ждёт.

Рис. О. Вороновой

РАССКАЗЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

*с картинками,
стихами и цифрами,
экскурсиями в прошлое
и репортажами из будущего,
загадками
и словарём*

Только-только приступили мы к формированию четвёртого номера «Искорки» — разложили на столе бумагу, ручки, ножницы... клей откупорили, — как дверь в редакцию раскрылась и вошёл Николай Экономов — собственной персоной.

Прямо с порога Николай вперил взгляд в автора. И автору стало стыдно, когда неожиданный гость сказал, что...

В кратком изложении речь его заключалась в следующем: Николай готов был простить автору нелепую фамилию, которой тот его наградил, и даже пространные авторские рассуждения по поводу этой фамилии. Однако Николай простить не может, что вот уже три номера подряд его выставляют перед тысячами читателей «Искорки» этаким недотёпой, торопыгой. Между прочим, сказал Николай Экономов, ему хорошо известно, что автор в быту — тоже не подарок, вечно забывает купить картошку, не может помочь сыну по алгебре и постоянно опаздывает за дочкой в детский сад. Но не стремится же Николай растрезвонить об этом в тысячах экземпляров, а автор любую неудачу Экономова, скажем, с разогреванием обеда, изображает даже в картинках и

ещё подстрекает читателей к письмам о незадачливости Николая: Николай считает такое поведение автора несправедливым.

Надо ли говорить, что после этого автор поспешно принёс извинения! Они были приняты, и Николай продолжил уже спокойнее:

— Понимаете, многое из того, что вы рассказали, мне хорошо известно. Разве я не знаю, что рабство, феодализм, капитализм — разные общественные формации!! Они сменяли друг друга, а справедливости всё не было, пока не пришёл социализм — единственно справедливый строй. Если я предлагал какие-то пути избавления от рабства в древности, так только потому, что обидно: ведь сразу можно было жить по справедливости, если бы люди знали.

— Думаешь, всё дело в этом! — поинтересовался автор.

— Конечно! У меня по истории, между прочим, четвёрка. Причём твёрдая. Эх, была бы возможность подсказать им вовремя...

Автор, который, надо признаться, уже подготовил ответ по поводу ошибок Экономова, допущенных им в прошлом рассказе, пришёл в некоторое замешательство. Незаметным движением он скомкал листок и бросил его на пол. Следовало решать.

— Хорошо, я согласен, — сказал автор. — Этот рассказ будем вести вместе. Отправимся в историю — и ты можешь в любой момент меня останавливать, чтобы подсказать, как вести себя героям. Согласен?

— А как же! — воскликнул Николай Экономов. — Только по-честному — как скажу, так пусть и получается.

— Итак, куда отправляемся! С каким героем? Выбирай!

— Лучше всего в рабовладельческий строй — как раз недавно его в школе проходили. И вместе с Мальчиком — с ним всего лучше.

...И мы пошли...

МОЖНО ЛИ ПОТОРОПИТЬ ИСТОРИЮ

«УХОДИ, МАЛЬЧИК...»

Мальчик проснулся оттого, что проснулся город. В домах ещё спали, а улицы ожили и зашевелились. С площадей, захламлённых дворов общественных бань, с грязных сеновалов харчевен потянулись люди, шумно приветствуя друг друга, гогоча, споря на ходу; возбуждённые предвкушением радости, они шли сплошным нестройным потоком к громадной чаше цирка. Спешили занять места на ступенях амфитеатра.

Мальчик торопился вместе со всеми. Рядом шагал случайный товарищ по ночёвке, какой-то старик лет сорока, ветеран зрелищ. Громко, уверенный, что его слушают, он объяснял зрителям помладше:

— Запомните, юноши! Клянусь Аполлоном, если сегодня не победит Марк Аврелий Полиник, мор обрушится на Вечный город, чума или землетрясение.

— Как же! — возразил кто-то из толпы.

— А! Ты не веришь, что Полиник — лучший наездник на земле?!

Они сцепились.

Мальчик постоял некоторое время в кругу болельщиков, пошвыстел в общем хоре, подбадривая дерущихся, запустил в них,

как водится, камнем для полноты удовольствия и побежал дальше. Шумные споры и драки накануне состязаний были в порядке вещей.

Мальчику в общем-то повезло. Он был рождён свободным. У отца был надел земли и двое рабов. Правда, их пришлось продать соседнему землевладельцу за долги, и хотя долг остался, Мальчику ещё раз повезло — отец не продал в рабство его, чтобы выплатить долг, как, случалось, делали другие. Он не продал в рабство себя, как, случалось, поступали. Он отдал в счёт долга землю и ушёл с сыном в Рим.

Таких, как они, в Риме было около 200 тысяч. Им выдавали по полтора килограмма хлеба в день только за то, что они — свободные граждане Рима и им нечего есть. Для них устраивали скачки, бои гладиаторов и ристалища зверей, чтобы они не скучали.

— Ну нет, так не годится, — возмутился Экономов. — Тунеядцы какие-то. Они же совсем не трудятся!

— Зато — равенство. Все поровну получают хлеба. Зрелища устраиваются для всех. Чем не справедливость? Ты же справедливости хотел.

— Так и знал, что вы меня будете путать. А я который месяц экономику учу, знаю: основа жизни — труд. Пусть Мальчик начнёт трудиться, он ведь всё же вырос среди людей производящих.

— Согласен. Давай!

Мальчик пришёл в гончарную мастерскую и попросил работы.

— Ты сын свободного гражданина? — поинтересовался хозяин.

— Да, но я хочу работать.
 — Уходи, Мальчик, — сказал хозяин. — Разве ты не знаешь, что гражданин Великого Рима не должен унижать себя трудом? Работа — удел раба. Патрицию неприлично торговать, плебею — заниматься трудом. Слава богам, у нас на это есть рабы.

Мальчик решил схитрить. Отправился к кузнецу и сказал, что он — сын отпущенного на волю раба, и уж начал было горни раздувать, как кузнец его остановил:

— Уходи, Мальчик, не нужны мне лишние руки.

— Неразумно, хозяин! — возмутился Мальчик. — Чем больше у тебя работников, тем больше ты сможешь делать серпов, молотков и лопат. Больше продашь — богаче станешь.

— Кому продашь? — удивился кузнец. — Свободные граждане Рима не жнут, не куют, не копают. Им орудия труда не нужны. Да и нечего им дать в обмен на мои товары — они ведь не работают. Мне и своих-то рабов занять нечем. Я уж подумываю — не отпустить ли их да не податься ли в цирк. Хлеба получу, а больше, чем на хлеб, всё равно права не имею. Чем я хуже других?

— Ну хватит! — снова прервал мой рассказ Экономов. — Этот Рим совсем нашего Мальчика испортит. Давайте переведём его в другое общество — где все трудятся. Надо вернуться на несколько веков назад!

— Зачем! Ты же соби-
 рался ускорить ход истории, а предлагаешь повер-
 нуть её вспять. Найдём ему
 общество, где все трудятся.

Снял Мальчик тогу, надел типично варварскую одежду — штаны, — так как шагнуть ему предстояло широко.

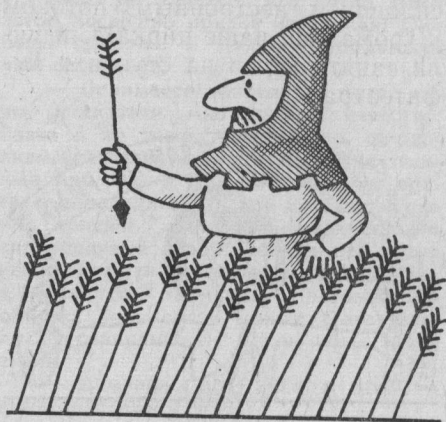
И вовремя. Варвары-германцы, еще недавно дикие, ещё в ту пору необразованные, легко покорили некогда великий Рим, а ныне империю праздных гуляк и бесправных рабов.

ЕСТЬ ЛИ ВРЕМЯ СЕЯТЬ?

Крестьянин сидел на меже и думал.

Мысли его были невесёлые. Ему надоело воевать. Всё войей да войей. А как раз — время сеять.

Только недавно у них, у германцев, распался родовой строй. Незадолго до того они всем миром отняли у кичливых, изнеженных римлян эту землю. Честно поделили её между семьями. Оставили и общинный надел — на случай неурожая, коллективных торгов, снаряжения армии, когда поход. Ведь по-прежнему вое-

вали всем миром. Выбирали военачальника — становились под его знамёна со своим оружием и провиантом и отправлялись воевать.

Но поскольку стали они завоевателями, время перемирия выпадало ненадолго. Вечно следовало усмирять римлян и собирать дань.

И вот опять общинный сход — снаряжайтесь, крестьяне, в поход! А как раз время сеять. И от прошлого-то похода ещё никак не оправиться, а новый вообще в нищету ввергнет.

Скребут крестьяне в затылках.

— Слушай, король (так они называли по-своему, по-германски, вожда), может, как-нибудь без нас, а? Может, кого най-

дѣшь? Ведь, римляне воевали с наёмниками?

— Да вообще есть тут у меня один приятель, — даёт себя уговорить вождь и выталкивает на круг здорового разбойника без роду, без племени, такого свирепого, что даже среди варваров-германцев не встретишь. — Боец хоть куда. Но уж вы не обидьте его, мужики, заплатите ему!

— Ну как можно, — радуются крестьяне. — Не обидим. И общинной земли ему отрежем. И от урожая дадим.

— Ох, что-то не нравится мне этот защитничек. Зря поддались — обманет, — остановил меня Экономов.

— А куда деваться, если как раз время сеять? Если никто за них на поле работать не будет — урожай пропадёт. Чем всё потерять, лучше часть отдать. Тому, кто за них повоюет. Нет выхода.

— Пусть хоть Мальчик этих крестьян надоумит — вдруг найдут другое решение.

— Ну, раз ты настаиваешь...

И вот наш нестареющий Мальчик слез с ветки столетнего вяза, на которой сидел, наблюдая деревенский сход, и закричал что есть мочи:

— Да что вы, крестьяне! Ведь сами голову в ярмо суёте!

— Чего этот воробей расчирикался? — смущённо зашумели крестьяне. — Вот не ко времени... Человек — вечный ему за то поклон — вместо нас воевать пойдёт, даст поработать спокойно... Вот молодёжь неразумная! Расти их после этого...

— Как бы не так! — не унимался Мальчик. — Вы ж порождаете человека, который будет жить чужим трудом.

— Ну и пусть живёт, не обидеем. По нашей воле.

— Так ему ж понравится! Кто чужим трудом живёт, тот своим

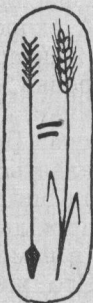
уже не захочет. Он и против вашей воли всё отнимет у вас.

— А ты не каркай! — возмутились крестьяне. — Эй, кто там поближе?! Запусти в него камнем, чтоб знал, как старших срамить перед людьми...

— Вечно эти взрослые так! Он же дело говорил!

— Грубо, конечно, но прогнали, я думаю, правильно. Никакой Мальчик и даже взрослый не могут повлиять на ход истории, когда он обусловлен экономической необходимостью. Ведь экономическая необходимость приглашать военного наёмника была!

— Ну, была. А дальше что?

А дальше... Отдали они общинную землю. Сначала часть, потом всю. Войны не прекращались, войска требовалось всё больше. Сначала для войны с иноземцами, потом — для установления порядка, потом — для усмирения собственных крестьян. Потому что они, действительно, стали собственностью владельца общинной земли, хоть и считались свободными. Кто присвоил продукт труда, тот присвоил всё.

Было время сеять — пришло время жать.

— Ну что, Николай! Не уследил — довёл историю до феодализма!

— Я-то здесь при чём, если эти тупоголовые крестьяне добрых советов не слушают!

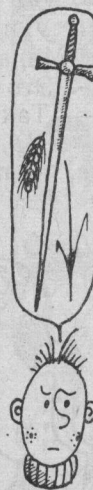
Тут уж автор возмутился:

— А предостерегать — дело нехитрое. Ты выход предложи!

— Какой выход, если уже феодализм!!

— Опять путаешь. Кто владеет лишним Продуктом, тот и устанавливает общественный строй. Феодал владеет — значит, будет феодализм. Тут предупреждай — не предупреждай...

— Намёк понял, — сказал Экономов. — Прошу ещё попытку.

БЕДНОСТЬ ПО-РЫЦАРСКИ

Пришло время жать, и Феодала охватила обычная осенняя грусть. У этой грусти были веские причины. Выручки от продажи урожая снова не хватит, чтобы расплатиться с долгами.

А скоро — королевская охота. Нужен новый костюм, новая экипировка, — отличные доспехи и клинки, говорят, завезли из Дамаска. Без них стыдно на люди показаться. Собаки постарели — если опять не догонят оленя, как в прошлый раз, впадёшь у короля в немилость.

Что же делать? С крестьян больше взять нечего — вконец обнищали, бездельники. Замок уже заложен. Если не выплатить долги, ростовщик, каналья, больше в долг не даст. Хоть бы война какая — погибнуть с честью или награть сполна. Так и на войну нагишом не отправишься...

Он подошел к окну. По двору пробегал Мальчик. Феодала осенило:

— Эй, малый!

И Мальчик явился перед господином. Нельзя сказать, что он был при этом счастлив. Неприятно чесалась спина — его после такой встречи уже как-то били.

Но сейчас Феодал не сердился.

— Вы уже убрали свой надел?

— У нас нет надела, — ответил Мальчик.

— Это почему?

— Так вы же его продали!

— Да, — засмутился Феодал, — помню, был грех. Я тог-

да на турнир собирался... а на прошлом барон, э-э... да ты всё равно не знаешь, пробил мне нагрудник. А ваш участок как раз крайний в моих владениях, я его продал маркизу, э-э... да тебе всё равно, — и купил новый нагрудник. Очень хороший! Хочешь посмотреть? Э-э... да ты всё равно ничего не понимаешь... Впрочем, на том турнире меня сшиб, надо признаться, граф, э-э... ну ты его тоже не знаешь... — Феодал тяжело вздохнул. — Пришлось продать для выкупа и надел вашего соседа, э-э... ну ты его знаешь... Всё расходы, расходы... Что мне теперь делать?

— Не знаю, — ответил Мальчик. Он и вправду не знал.

— Ну и наглец! — вскрикнул Экономов. — Послушайте, автор, давайте разорим его вконец, чтоб неповадно, — будет знать!

— Воля твоя, давай разорим, — согласился автор. — Тогда его земля и с землёю Мальчик перейдут во владения другого Феодала.

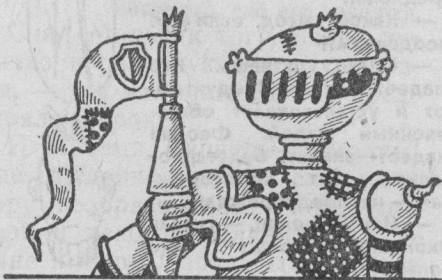
— Нет, не годится. Главное, Мальчика жалко. Если уж суждено ему на кого-то работать, так пусть хоть на кого-то, кто сам трудится, а не на этого бездельника и мота. Неужели ничего сделать нельзя!

— Ладно, подброшу-ка я этому Феодалу идею...

— А я знаю! — гордо воскликнул Феодал. — Я тебя отправлю в город, ты научишься ремеслу, будешь платить мне оброк — деньгами и изделиями. Незачем мне чужим ремесленникам переплачивать...

ТРАТИТЬ, ЧТОБЫ РАЗБОГАТЕТЬ

И Мальчик отправился в город. Он учился ремеслу, живя впроголодь, и выполнял всю работу по дому. И ещё — он присматривался к своему «учителю» — хозяину мастерской, сапожнику.

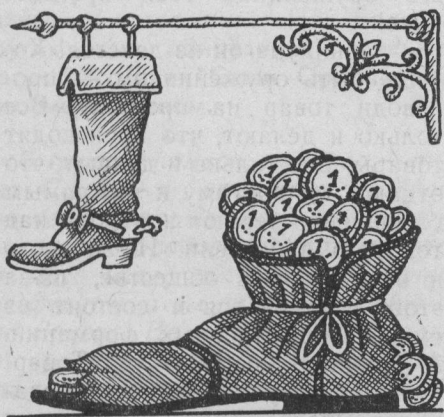

А хозяин копил деньги. Накопил — и откупил себя, свою семью и свою мастерскую у своего Феодала. И продолжал копить.

— Хозяин, а на что вам деньги? — спросил его как-то Мальчик.

— Ну как, — замылся сапожник. — Деньги — это богатство, это сила! Может, я стану богаче своего Феодала, а?!

— И что? — засмеялся смыслёный Мальчик. — Будете на золоте есть, на охоту ездить, балы устраивать, на дуэлях драться?

— Ну ты скажешь тоже, — совсем засмутился хозяин. — Разве не видишь? Ем я вместе с вами, то же, что и вы, к соколиной охоте не приучен, на бал меня и не пустит никто, а на дуэль и сам не пойду — барская забава, убить могут.

— Так зачем деньги?

— А и правда — зачем? — задумался вконец озадаченный ремесленник.

— А я вот что думаю, — равнодушно заметил Мальчик, — выгоднее всего — их потратить...

— Я тебе потрачу! — возмущился сапожник и уже схватил колодку, чтоб взгреть хорошенько дерзкого ученика. Но тот продолжал:

— Чем больше башмаков вы продадите, тем больше за них получите. А больше можно шить башмаков, если больше будет мастерская, больше мате-

риала, больше верстаков, больше работников. Надо тратить деньги на это — и они принесут ещё больше денег!

Хозяин аж присел от восторга.

— Верно! Ведь это всё время увеличивающееся богатство. Я и сам уже думал... Какой хороший Мальчик! На тебе золотой, нет, серебряный, нет, медный... медный грош — иди купи себе сладостей. Только скорей возвращайся — работы много...

С тех пор хозяин стал жить ещё скромнее. В заказах нет отбою. Ученики и подмастерья гнут спину от зари и до зари, почти ничего не получая, и он живет, как сырой бедняк. Но зато всю полученную выручку, всё время увеличивающуюся выручку, тратит без сожаления на покупку кожи, гвоздей, дратвы, инструментов, нового сарая, чтобы разместить новых работников. И получает ещё больше выручки, чтобы потратить её снова на кожу, гвозди, сарай...

Мальчику от этого лучше не стало. Так много, так безжалостно, так настойчиво его не заставлял работать ещё никто и никогда. Этого и следовало ожидать — родился совершенно новый собственник — Капиталист.

— Что-то я вконец запутался, — сказал Экономов грустно. — Совсем не заботиться о производстве — плохой человек, тунеядец. Заботиться только о производстве — плохой человек, капиталист. Жили ведь люди справедливо в первобытно-общинном строе! Нет, надо им было!

Не успел автор собраться с мыслями и ответить, как сзади раздался странный, вряд ли принадлежащий человеку голос:

— Я заставляю! Ради меня всё!

Мы обернулись. Нечто неодушевленное предстало нашему взору. Нечто непонятное, но большое и сильное. И тут мы узнали его. Это был неодушевленный герой нашего рассказа — Продукт.

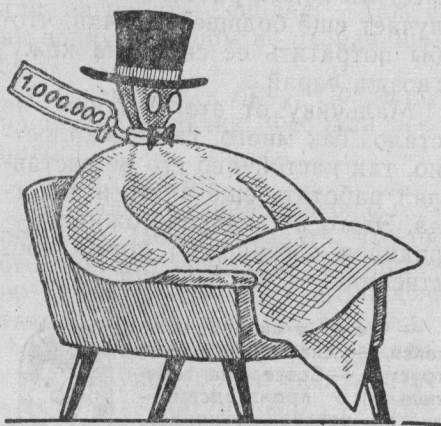

НОВОЕ ИМЯ ПРОДУКТА

— Рассвет наступает, — назидательно начал Продукт, важно развалившись в кресле, — не потому, что петух прокукарекал. Но пока петух не запоёт, не всякий заметит, что день уже начался. Петька кричит громче, чем солнце встаёт. Так и у вас. Хватило сообразительности увидеть, как разительно изменились все действующие лица вашего рассказа, а того и не поняли, что они изменились потому, что изменился я!

— Не много ли на себя берёшь, Продукт? — запальчиво воскликнул Экономов.

— Простите, молодой человек, — язвительно поправил его этот наглец, — не Продукт! Посмотрите, как я велик! Разве меня

можно съесть, укрыться мной, жить во мне только тому, кто меня произвёл? Я слишком для того огромен. Я для своего производителя лишний.

— Ну и что? Большой лишний Продукт!

— Ну нет! Меня специально производят таким большим, чтобы я был лишним. А лишнее можно только обменять, отнять, присвоить, но не использовать. Я принадлежу только тому, кто меня отнял, присвоил, купил, обменял на что-то. Поэтому я — не Продукт. Я — Товар.

Главное моё свойство в том, что я продаюсь. Я и рождаюсь для того, чтобы быть проданным. Я служу всякому, кто меня купит. А никто не купит — никому служить не стану. Мне всё равно. Скажем, сделает меня оружейник. И продаст воину. Или воин у него меня отнимет — он же сильнее! И что вы думаете? Я своего оружейника за милую душу убью, если воин того пожелает.

— Да, — усмехнулся Экономов, — стал бы я на месте твоего оружейника тебя производить!

— А куда он не денется! Хочешь быть оружейником — производи товар на продажу. Все только и делают, что производят товары. Все только и делают, что отдают их другому и тем самым совершенно теряют контроль над тем, что произвели. Из-за этого и нет покоя в обществе, из-за этого история вся и состоит из смены общественных формаций. А причина всему — я, Товар!

— Ладно уж — ты! — не сдавался Экономов. — А восстания рабов? А революции? А войны?

— Натурально, всё из-за меня! Всё — ради того, чтобы меня сделать больше...

Спор затягивался. Автор понял, что без его вмешательства никак не обойтись.

— Ладно, — сказал автор. — В чём-то ты прав, Продукт-Товар, а в чём-то уж слишком преувеличиваешь свою роль. Но, думаю, наши читатели прекрасно разберутся, где правда, а где хвастовство. Разберутся и напишут.

Итак:

Почему Продукт стал Товаром? Только ли потому, что его стало больше?

То, что производить стали не Продукт, а Товар, — это хорошо или плохо?

Если Продукт уже не Продукт, а Товар, должны ли мы к нему хуже относиться?

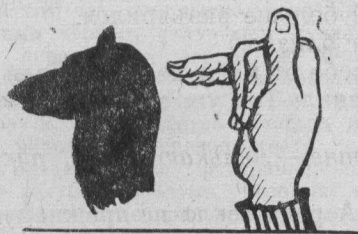

В новеньком почтовом ящике Театра теней лежит уже немало ваших, ребята, писем со сказками и разными историями. Но больше других нам понравилось письмо шестиклассника Саши Орлова. С него мы и начнём.

«В первом номере журнала,— пишет Саша,— я прочитал рассказ про тени, которые можно сделать самому. Я обрадовался, потому что до этого знал, как сделать только две фигуры, а вы рассказали ещё и про другие. Но вот что удивительно: про мои тени вы так и не рассказали. Поэтому я посылаю вам их описание и рисунки, как надо держать руки.

Первая—это овца. Посмотрите: похожа? А делает её одна правая рука. Большой палец смотрит прямо вверх, средний и указательный загнуты к ладони, а четвёртый палец и мизинец торчат под прямым углом. Секрет овцы в том, что рука должна стоять прямо и не наклоняться ни в какую сторону.

У меня эта фигура сначала не получалась, потому что мне было трудно вытянуть мизинец и безымянный пальцы вместе. Но я помог себе другой рукой и всё вышло.

ОВЦА

ВЕРБЛЮД

А вторая тень—верблюд. Это-то у всех получится сразу, без тренировок! Делаете вы его одной левой рукой. Надо плотно сжать средний палец, безымянный и мизинец и немножко их согнуть, как будто мостик делаете. А указательный палец немного приподнимаете и тоже сгибаете. Там выходит небольшая дырка в сгибе. Так и должно быть, потому что эта дырка—верблюжий глаз.

И вот ещё что, «Искорка»! Я хотел и сказки какие-нибудь прислать про моих зверей, но не вспомнил. А сам как ни придумывал, всё у меня одно и то же выходит: овца на лугу пасётся, а верблюд колючки жуёт... Может быть, вы что-нибудь придумаете или найдёте?»

Выполнить Сашину просьбу оказалось не так-то просто. Овца и верблюд—звери не очень сказочные... Мы пересмотрели сказки русские и польские, индонезийские и китайские, и только в сборнике индийских сказок нашли то, что нам надо.

Вот первая сказка. Герои её — волк и ягнёнок (ягнёнок—это овца в детстве). И сделали мы из сказки пьесу, этакую маленькую

«теньевую драму». Её можно читать, а можно и разыгрывать на экране.

Итак, занавес открывается.

Да, чуть не забыли: один край

экрана — нижний — сделайте волнистым. Как будто это — река. Договорились? Значит, внизу экрана — река. А вот что происходит на берегу реки.

КАК ВОЛК И ЯГНЁНОК ВОДУ ПИЛИ

(Теневая драма)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ:

Ягнёнок — твоя правая рука

Волк — две руки твоего друга (он вместе с тобой играет в теневой театр)

Невидимый автор — ты сам

АВТОР: Как-то раз летом захотелось ягнёнку пить. Ушёл он с луга и спустился к реке...

(На экране появляется голова ягнёнка. Она плавно перемещается из правого угла в левый, останавливается, наклоняется к реке.)

ЯГНЁНОК: Ах! Какая прекрасная вода! Сейчас я напьюсь воды вволю и пойду пасть на луг дальше! Вот только ещё несколько глотков и... пойду...

(В правой стороне экрана появляется голова волка. Пасть разинута, глаз светится. Он застывает, глядя на ягнёнка.)

АВТОР: И должно было так случиться, что в эту самую минуту вышел к реке волк. Увидел он ягнёнка, жадность вспыхнула в его сердце, и он решил, что сейчас обвинит его в чём-нибудь и «в наказание» — съест!

(Волк пододвигается к ягнёнку ближе.)

ВОЛК: Р-р-р-р! Ах ты, негодный! Как ты посмел замутить воду в моём ручье? Как я теперь её пить буду?

(Ягнёнок беспокойно вертит головой.)

ЯГНЁНОК: Бе-бе-бе!!! Господин волк! Господин волк, что вы говорите! Подумайте хорошенько: вода течёт с вашей стороны. Как же я могу её замутить, если пью ниже вас? Бе-бе-бе???

ВОЛК *(обиженно воем)*: Что ж! Может быть, так оно и есть... *(Ещё ближе подбегает к ягнёнку.)* Но вот скажи мне, как ты смел полгода назад ругать меня за моей спиной и плести про меня всякие небылицы? А? Р-р-р-р?

(Ягнёнок начинает дрожать.)

ЯГНЁНОК: О господин волк! Господин волк! Как можно! Помилуйте! Мне ещё и трёх месяцев от роду нет! Как мог я ругать вас полгода назад? Бе-бе-бе?

АВТОР: Выслушал его волк. Стало ему досадно, что ложь правду одолеть не может. Но от этого он только ещё больше разъярился.

(Волк придвигается к ягнёнку совсем близко.)

ВОЛК: Что бы ты ни говорил, негодник, тебе от меня не уйти. Если не ты меня ругал, то это твой отец меня бранил. Тут уж сомнений никаких нет. А кто виноват — мне всё равно!

(Волк бросается на ягнёнка. На экране — мелькают тени, руки... Потом экран пустеет.)

АВТОР: И волк задрал бедного ягнёнка. А река текла по-прежнему, и солнце светило по-прежнему, только этот ягнёнок больше уже никогда не пришёл на берег реки...

Вот какую ужасную «теневую драму» разыграли на экране ваши пальцы. Устали?

Ах, у вас есть вопросы?! Хотите узнать, какое отношение наша драма имеет к известной басне Ивана Андреевича Крылова «Волк и ягненок»?

Самое прямое. Сказочные сюжеты, как и сюжеты басен, никогда не знали границ, языковых различий. Одинаковые ситуации рождали у разных авторов в разных странах одинаковые или похожие сказки и басни. И никто ни у кого не списывал! Каждый работал самостоятельно.

А теперь отправляемся в музей. Тем более что и находится он недалеко — на этой же странице.

Настала очередь познакомиться с самым древним теневым театром — теневым театром Китая.

И вот что любопытно: хотя Китай и дал имя чёрным силуэтным куклам для всех европейских стран (во Франции, Англии, России они так и назывались — «китайскими теньями»), герои теневого театра в самом Китае никогда не были... чёрными! Теневой театр здесь — это представление раскрашенных теней — голубых, жёлтых, розовых, серых. Представление сопровождается музыкой, «актёры» обмениваются репликами, ожидают древние поэтические строки.

«ВЕРХНЯЯ РУКА» И «НИЖНИЕ РУКИ»

«Верхняя рука» — главный кукловод в китайском театре теней, а «нижние руки» — его помощники. Эта «многорукая труппа» показывает представления в специальной будочке. Как в распахнутое окошко, смотрят зрители на освещённый экран. Вот появилась на нём прекрасная девушка... Как лёгок и воздушен её наряд! Она идёт по экрану навстречу юноше... И начинается древняя сказка, может быть, даже та, которую всегда рассказывают китайцы, говоря о возникновении своего театра теней.

...Случилось это в 121 году нашей эры. Император Ханьской династии Уи-ти потерял любимую. Он долго горевал, а потом потребовал, чтобы Великий маг, живший при его дворе, показал ему хотя бы бессмертный дух любимой. И Великий маг выполнил просьбу императора. Он привёл его в тёмную комнату, в дальнем углу вдруг осветился экран, и на нём появилась прекрасная девушка... Так возник театр теней, представления которого много веков радовали зрителей всех сословий и возрастов.

Искусство кукловодов передавалось в Китае из поколения в поколение. От деда к внуку передавалось и искусство изготовления плоских кукол для теневого театра. Вырезали их из высушенной ослиной кожи или промасленного пергамента, причём одна фигурка состояла из одиннадцати частей. Отдельно

вырезались голова, туловище, руки, кисти рук, ноги. Потом все эти части соединяли, и — марионетка готова. А для того чтобы привести

фигурку в движение, к ней присоединяли три железные спицы — они-то и попадают в руки кукловодов.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

Дорогие ребята! Мы расстаёмся с вами на три месяца. Проверку вашего домашнего задания мы проведём на страницах 8-го номера «Искорки». Почему, спросите вы. Потому что мы хотим получить все ваши письма с ответами на домашнее задание. В 8-м номере мы опубликуем ваши лучшие сказки и истории. Поместим и рисунки, если вы их, конечно, пришлёте!

А сегодня — наше последнее домашнее задание. Первая его часть — практическая — вам ясна. Вы тренируетесь, как делать ОВЦУ и ВЕРБЛЮДА. Саша Орлов в своём письме о них очень хорошо и понятно рассказал.

А вторая часть — сказочная, и над ней вам придётся поломать голову. Мы помещаем в «домашнем задании» сказку про верблюда и осла.

СКАЗКА О ВЕРБЛЮДЕ И ОСЛЕ

Верблюд и осёл были закадычными друзьями. Как-то раз пришлось им отправиться в дальний путь. Но вот дороге им преградила река. Верблюд вошёл в воду первым.

— Эй, друг! — кричал он. — Иди след за мной! Тут совсем неглубоко!

— Верно! — ответил осёл. — Тебе-то вода только до брюха дошла, вот ты и говоришь, что неглубоко. А я тут с головой скроюсь, утону непременно!

Придумайте к этой сказке конец и сделайте из неё пьесу для Театра теней. Это значит — напишите список действующих лиц и исполнителей, ремарки — где и как происходит действие, реплики героев...

Потом запечатайте листок с пьесой в конверт, напишите на нём адрес: Ленинград, 191023, набережная Фонтанки, 59, «Искорке», — и опустите его в почтовый ящик.

А мы тем временем с нетерпением будем ждать ваших писем.

Значит, договорились! До встречи в 8-м номере журнала!

Рис. Л. Московского.

Открытое заседание

Жюри

Спасибо, Искорка, тебе!
С тобою были мы везде:
И на мостах, и в Эрмитаже,
У львов мы побывали даже...

В чугунном кружеве ограды
Мы не забыли дней блокады...

Расстаться нам пришла пора,
С тобою мы теперь — друзья!

— этими стихотворными строчками из последнего, двенадцатого, письма Анюты Чеснаковой мы и решили начать наше открытое заседание ЖЮРИ конкурса «Знаешь ли ты свой город!».

Первый вывод, который сделало Жюри, изучив ваши письма, был: у Искорки появилось много новых друзей.

Весь год писали нам подруги Ольга Лисенкова и Вера Осокина из 6«в» класса 301-й школы. В мае они спросили нас: «На лето мы уедем из Ленинграда и не сможем отвечать на вопросы конкурса. Скажите, можно ли послать ответы в сентябре!» Узнав, что это не возбраняется, — за осень и зиму ответили на все вопросы конкурса. И свои письма к нам подписывали уже по-свойски — «Оля Л. и Вера О.».

Очень интересные письма присылали братья Олег и Женя Керенковы. «Это писал мой брат Керенков Женя, а дальше он писать поленился, поэтому продолжать пришлось мне», — рассказано было в одном из писем Олега. «А работали мы под руководством папы».

От имени 3-го, а потом 4-го «д» класса (конкурс шёл целый год, и его участники взрослели!) писал нам староста Павел Палей. И опять не обошлось без папы. «Большую помощь в викторине нам оказал мой папа — Палей Александр Григорьевич», — сообщил нам Павел.

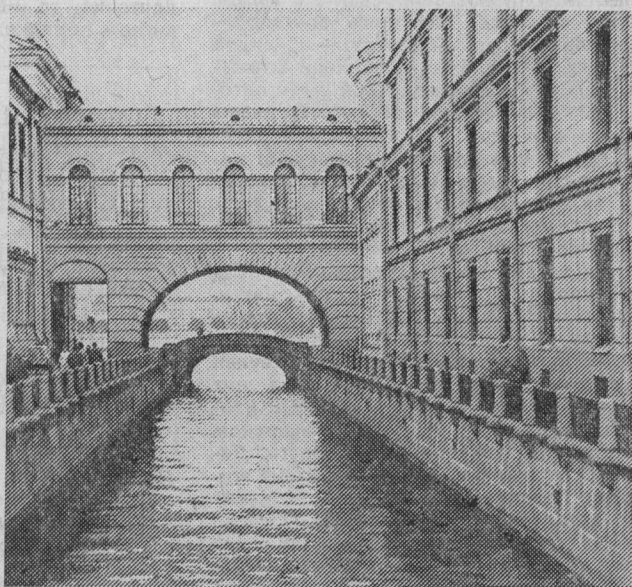
Большое спасибо вам за помощь, папы наших читателей!

От имени семейной команды писала Аня Чеснакова.

Несколько писем о городе пришло от 2 «б» класса школы-интерната № 4 с углублённым изучением языка хинди.

Письма-рассказы с открытками и иллюстрациями пришли от Ульяны Шинковой, Яны Гофман, Елены Кирилловой и многих-многих других...

А вот второй вывод, который сделало Жюри: ребята любят свой город, знают его улицы и музеи, умеют пользоваться литературой о Ленинграде.

Зимняя канавка

Вечерний Ленинград

«Закончила я четвертую работу, — писала нам Яна Гофман, — и задумалась. Нужно ли всё это! И решила: конечно, нужно. Ведь я лучше узнала свой город». «Второй год мы всем классом ходим на экскурсии и соревнуемся, кто больше узнает интересного о Ленинграде, — пишут ребята из школы-интерната № 4. — Являясь постоянными читателями журнала „Искорка“, мы с удовольствием принимаем участие в вашем конкурсе». «Всё, что здесь описано, — сообщает Олег Керенков, — я видел сам». Многие ребята приложили к письмам списки использованной ими литературы. Были среди них и материалы нашего журнала.

Почти на все вопросы конкурса ребята дали правильные ответы. Только три из них вызвали затруднения. Даём правильные ответы, используя письма наших победителей.

Из письма Анюты Чеснаковой: «Самый сложный вопрос был для нас в „Искорке“ № 4. Мы не смогли отгадать рисунок К. И. Кольмана!.. И вот после многих поисков нам попались рисунки старого Петербурга. В одном из них мы узнали наш рисунок. На нём изображена дача Лавалей на Аптекарском острове. Мы поехали на это место. Дача не сохранилась. Здесь проходит широкая Песочная набережная и стоит Ленинградский Центр погоды».

Из письма Павла Палей: «В прошлом, 11, туре мы не смогли ответить на один вопрос. Сейчас мы на него отвечаем. На фотографии внизу слева изображён фонарь с русалкой, которая

ТЕАТР
ИМ. А.С.ПУШКИНА

НЕВСКИЕ ВОРОТА

играет на трубе. Он находится на Митинской набережной у трапа, ведущего на шхуну „Кронверк“. Это — фонарь-флюгер, потому что русалка вращается под действием ветра...»

Из письма Олега Керенкова: «Традиции русских архитекторов продолжают советские архитекторы. Башня с вертушкой установлена на улице Джамбула на здании яслей-сада № 19». Из письма Анюты Чеснаковой: «Долго мы искали флюгер „Чебурашка“. И совсем не удивились, что нашли его рядом с тобой, Искорка! Ты хотела, чтобы мы пришли к тебе в гости!»

А теперь — решение Жюри. Члены Жюри единогласно присудили десять премий десяти победителям. И поскольку все победители прекрасны и мы не можем кому-либо отдать предпочтение, то мы называем их в алфавитном порядке:

ГОФМАН Яна
КЕРЕНКОВЫ Олег и Женя
КИРИЛЛОВА Елена
ЛИСЕНКОВА Ольга
МАЙОРОВ Андрей
ОСОКИНА Вера
ПАЛЕЙ Павел
ЧЕСНАКОВА Анюта
ШИНКОВА Ульяна
УЧЕНИКИ 2' «б» КЛАССА
школы-интернат № 4

Поздравляем вас, дорогие наши победители!

*До новых встреч в конкурсах,
посвящённых нашему городу.*

Рисунки К. Севастьянова
Фотографии участника конкурса
Андрея Майорова

ЗАСЕДАНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ (шестьдесят четвёртое) Ведёт почётный председатель клуба В. С. Альбум-Маркин

Скромные солдатские «треугольники» со штемпелями полевой почты и пометками военной цензуры!..

Письма военных лет.

На них нет марок [почтовым сбором они не облагались]. Они часто обходились без конвертов (где на передовой найдёшь конверт!). На них даты: 1941, 1942, 1943, 1944, 1945.

Письма защитников Москвы, солдат Ленинграда, участников Сталинградской битвы, освободителей Польши, Венгрии, письма штурмовавших Берлин...

Вероятно, во многих советских семьях бережно хранятся такие письма. В них — невыдуманные фронтовые события, детали нелёгкого солдатского быта, короткие эпизоды больших и малых сражений.

Расспросите мам, пап, бабушек, дедушек, знакомых... Отыщите письма, прочитайте их, отнесите к ним бережно, возьмите над ними шефство. Они стоят того.

И не забудьте, конечно, узнать как можно больше о тех, кто эти письма писал. Когда будет создан архив (или музей) солдатских фронтовых писем, каждый участник Великой Отечественной войны, каждый коллекционер с охотой внесёт в создание такого музея свою лепту.

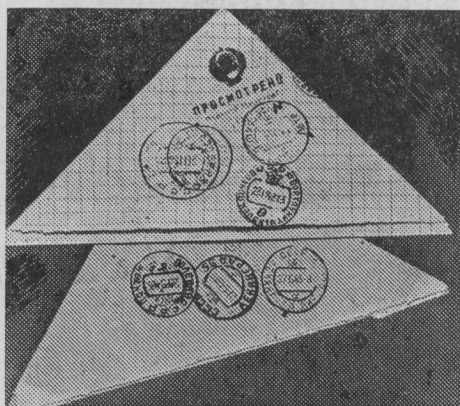
Солдатские письма

Из писем моряка-балтийца Виталия Соколова.

«3.11.42. Дорогие мои папа и мама! Получил вашу открытку и спешу успокоить вас. Ничего со мной не случилось, живу по-прежнему. Если фортуна отвернётся от меня, то будьте спокойны: кому-кому, а родителям сообщат в первую очередь. Тогда уж вправду будете оплакивать своего сына. Пока же прошу этого не делать, так как я ещё хочу жить и буду жить!..»

«30.1.44. Соскучился по вас, дорогие, чертовски. Как вы встречали Новый год? Видимо, пили чай, вспоминали своих сынов и, конечно, плакали. Без этого вы, безусловно, не обходитесь. Пусть будут эти слёзы слезами радости... Я живу по-прежнему, здоров. С 26-го числа перешли в наступление. Гоним немца проклятого с нашей земли, гоним! И надо сказать, очень успешно. Обо мне, миленькие старички, не беспокойтесь. Со мной ничего не случится...»

Это было последнее письмо Виталия Соколова. Родился он на Северном Кавказе. Учился и работал в Тамбове. Пал смертью героя, защищая Ленинград.

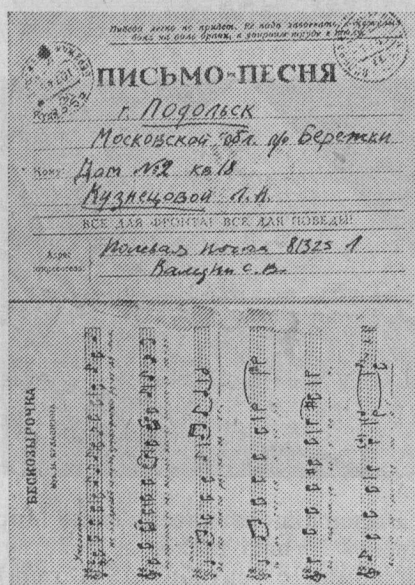
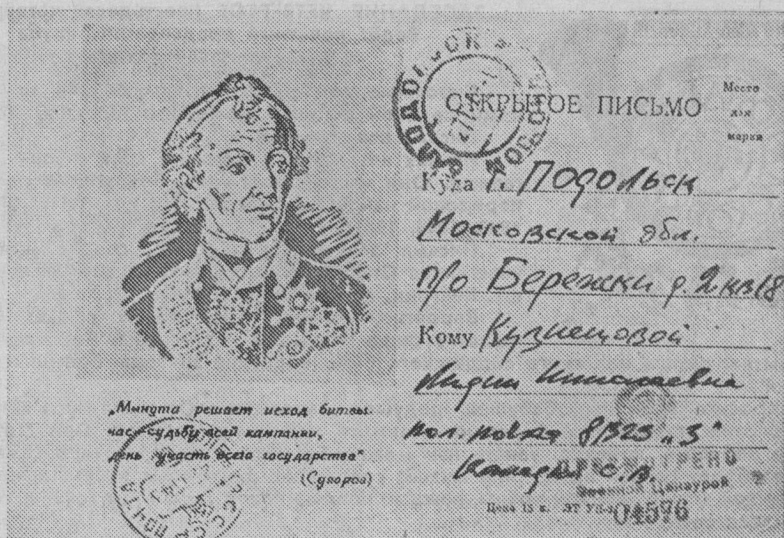

Выдержки из писем Тани Мирославской (находилась в действующей армии с сентября 1941 года).

Конец сорок первого. «Здравствуй, дорогая мама! Как ты сейчас живёшь? Я послала тебе письмо — получила ли ты его? Папа пишет, если я скоро не приеду, тебе будет плохо. Пожалуйста, так не пишите!..»

«25.2.42. Здравствуйте, дорогие мама и папа! Поздравляю вас с 24-й годовщиной Красной Армии и обещаю бороться с врагом ещё лучше. Мама, ну что же ты написала, чтоб меня прислали домой?! Как будто я младенец, всё дома должна сидеть! Мне майор прочёл твоё письмо. Он, конечно, рад бы испол-

нить твою просьбу, но мы со ст. лейтенантом Кухаревым решили наоборот... Ведь не можешь же ты написать, чтобы Костю прислали из армии?»

Костя, старший брат Тани, также находился на фронте. В одном из писем Таня вызывает старшего брата на боевое соревнование: у кого из них на личном счету будет больше уничтоженных фашистов. Подведение итогов — после войны.

«6.3.42. Действующая армия. Ми-

рославскому Дмитрию Ивановичу. Мирославской Елене Николаевне.

Поздравляю Вас с правительственной наградой Вашей дочери Татьяны. За образцовое выполнение боевого задания и проявленные при этом доблесть и мужество Татьяна Дмитриевна награждена медалью «За отвагу». Я благодарю Вас за воспитание Вашей дочери и желаю ей ещё большего успеха в работе и счастливого возврата домой.

Пом. нач. части — ст. лейтенант Кухарев».

«12.5.42. Мама! Еду на курсы. Здорова. Крепко целую. Ваша Таня».

«7. 9. 42. Мама, ты спрашиваешь, не думаю ли я, что курсами закончила образование. Нет. Хотя я и получила хорошую специальность. Только вряд ли я буду работать по этой специальности после войны...»

Мама начинает понимать, что курсы, которые закончила Таня, имеют прямое отношение к войне, но не к мирной жизни.

«Дорогой папа! Поздравляю тебя с днём рождения. Папа, как жаль, что я ничего не могла подарить тебе или хотя бы обнять и поцеловать тебя. И всё из-за фашистов. Постараемся, чтобы следующий день рождения встретить не так. Ты в совхозе, я на фронте — уж как-нибудь

одолеем фашистов, верно ведь?! Мама просила дать представление о моей жизни. Ну что я напишу? Если уж писать, так много, а у меня нет времени. После войны расскажу всё...»

Это было одно из последних писем Тани Мирославской, уроженки маленького городка Ефремово. Отважная радистка-разведчица погибла в начале 1945 года, выполняя боевое задание в тылу врага. Незадолго перед этим ей исполнилось шестнадцать лет...

Из письма командира артиллерийского орудия сержанта Петра Гвоздева жене и сыну.

«6. 8. 44. Выбрал время написать тебе. Не беспокойся, родная. Мы громим немецкое зверье и скоро всадем ему штык в глотку, а пасть свинчаткой забьём. Он теперь не то, что в 41-м, собственной тени боится...

Меня поздравь, получил благодарность от командарма и представлен к ордену...

Сынок Николаша! Помогай мамке и не безобразничай. Ты уже большой. Папка твой скоро приедет, привезёт красивый мяч и настоящую гильзу от снаряда...»

Сержант-артиллерист Пётр Гвоздев домой не вернулся. Погиб в бо-

ях за освобождение Советской Прибалтики.

Из писем старшего лейтенанта Сергея Пузыревича брату.

«21.4.42. Посылаю тебе это письмо без надежды, что ты его получишь. В настоящее время нахожусь в госпитале после ранения, которое получил в 43-х км южнее Курска. Хожу пока на костылях...»

«24. 12. 42. Давно уже на фронте. Ещё 29 октября участвовал в первой стычке с вражескими танками. А с 1 декабря без перерыва в боях... Скучать не приходится. Кругом треск, грохот, визг и прочие му-

зыкальные прелести боя... Поздравляю с Новым годом! Будь здоров и счастлив».

«1.10.43. Живу в сфере круглосуточного и повсеместного гула: в воздухе гудит, на земле — гудит, ляжешь в окоп — слышишь, что и под землёй — гудит! Каждый день вижу падающих «Хейнкелей-111», «Юнкерсов-87» и прочую мразь. Глядишь на эти картины и сердце радуется!..»

«2.11.43. Приказом от 16.10.43 я награждён орденом Красной Звезды. Дорогой братишка, очень трудно достался этот орден: без сна, без отдыха, в поту, в крови, в жестоких сражениях... Недавно узнал, что Мишку, Евгению и Марию с детьми немцы угнали в Германию...»

«10.4.44. Только что ворвались в Одессу. На окраинах ещё гремят бои, а я решил написать тебе несколько строк. Знаю: сегодня Моск-

ва будет нам салютовать. Но каким салютом выразить всю радость народного освобождения?..»

«16.4.44. С 13 марта по сегодняшний день я промерил вперёд на запад свыше 300 километров. Если дело и дальше так пойдёт, то думаю, что 7 ноября 1944 года будем где-нибудь на военном параде, а Гитлер к тому времени будет висеть на добротной русской верёвке...»

«20.5.44. Утром мы отбили одну вражью атаку. А потом твоё письмо! Как же я ему обрадовался! Но не успел я его прочесть, началось артиллерийское и вторая вражья атака. Она тоже была отбита... Враг рвется вернуть обратно потерянное, но успеха ни на грош...»

«15.6.44. Дорогой братишка! Я тебе дней двадцать назад писал об ожесточённых боях, в которых мне приходилось участвовать. 5 июня приказом по дивизии я был награждён вторым орденом Красной Звезды. Так что можешь меня поздравить...»

«12.2.45. До Берлина километров 70. Есть надежда, что весь этот грохот, стрельба и т. д. скоро кончатся ввиду их абсолютной ненужности в жизни человека...»

Посылаю тебе десять фотографий, найденных мною в одном из немецких концлагерей в Бранденбурге. Посмотри на измученные лица, обрати внимание на номера, которые заменяют имя и фамилию... Ты читал о Майданеке? Так этот лагерь напоминает его...»

Старший лейтенант Сергей Пузыревич погиб 9 мая 1945 года в 10 часов 30 минут утра.

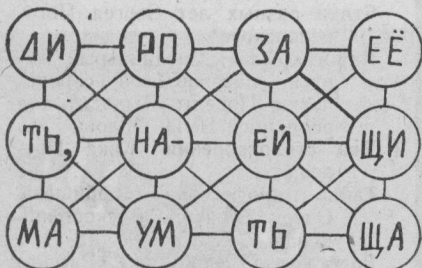
Совет клуба благодарит ленинградского коллекционера, участника Великой Отечественной войны М. А. Гринберга за предоставленные иллюстрации. В статье использованы также материалы из документальной книги преподавателя Кишинёвского университета участника Великой Отечественной войны Б. Д. Челышева «В поисках фронтовых писем».

КОНКУРС «ДОРОГАМИ ПОБЕДЫ»

Между приславшими правильные ответы на напечатанные в этом номере головоломки будет разыгран приз. Срок для ответов—до 1 июля.

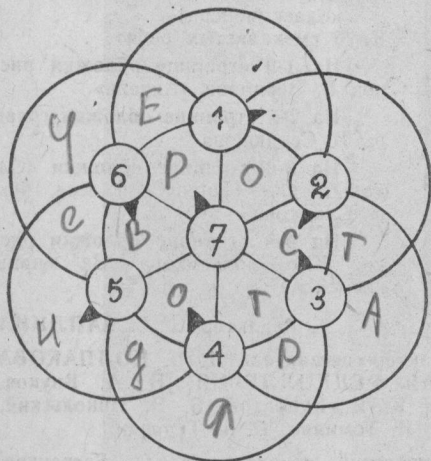
ЦЕПОЧКА

Путешествуя от клетки к клетке, прочтите русскую пословицу (4 очка).

ЦИКЛОКРОССВОРД

Все слова этого циклокроссворда читаются по направлению часовой стрелки, начиная с указанной клетки.

1. Спортсмен. 2. Приток Белого Нила. 3. Начало соревнования. 4. Организованная группа пионеров. 5. Рыболовная сеть. 6. Часть суток. 7. Районный центр Ярославской области. (4 очка).

Отдел ведёт Н. А. САДОВЫЙ

УМНОЖЕНИЕ

Составил Виктор Пашков
(444-я школа).

	1	2	3
4	Е	И	И
5	Н	О	П
6	Р	С	Т

15. 8. 10. 5. 4. 6. 12. 18. 6. 10. 12.

Прочтите название пионерской операции (4 очка).

ХОДОМ КОНЯ

Составила Тania Иванова
(76-я школа)

Д	Е	И	Г	С	Ч
Р	О	Л	Ш	.	О
О	О	М	П	У	Е
Я	О	Р	А	К	А
Б	В	Г	Г	Ы	Л

Ходом шахматного коня прочтите русскую пословицу (4 очка)

ПРОВЕРЬ СЕБЯ!

[Ответы к Искорке № 2]

А ВЫ ЧИТАЛИ?

«Васёк Трубачёв сражается». Повесть В. Осеевой.

КРУГОГРАММА

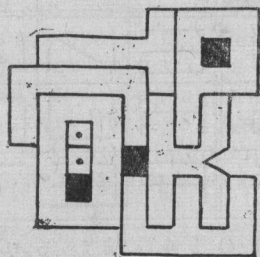
«Радостным шагом, с песней весёлой мы выступаем за комсомолом».

МИНИ-КРОССВОРД

1. Ярус. 2. Миля. 3. Симфония. 4. Грин. 5. Кофе

СОСТАВЬ СЛОВО

На рисунке показано, как разрезать фигуру на шесть букв, из которых можно сложить название журнала «Костёр».

РЕБУС

«Не пером пишут, а умом».

КТО ПОБЕДИЛ

Между смекалистыми, приславшими правильные ответы на все задания, опубликованные в «Искорке» № 2, был разыгран приз. Он достался ученице 3-в класса 60-й школы Маше Кудрявцевой.

Содержание

Баллада о старом шахтёре Вольта Суслова	1
Голубое стекло. Окончание повести Николая Внукова	3
Из стихов о войне Михаила Дудина	16
«Ваша слава бессмертна». Очерк Ильи Миксона	19
Единственный в мире. Окончание очерка Василия Островского	23
Сказка об Ахмеде Низами Абульфас-оглы	29
«Везде на свете — очень интересно» (К 75-летию С. В. Погореловского) Вступительное слово А. Крестинского	32
Стихи разных лет Сергея Погореловского	32
Наши крылья. Специальный выпуск, посвящённый сорокалетию Победы. Выходит под редакцией П. И. Орлова	36
Два стихотворения Жака Превера	40
Тайна профессора Любичева. Очерк Валерия Воскобойникова	43
Рассказы об экономике. Рассказ четвёртый. Можно ли потопить историю? Рассказчик В. Ковичев	46
Театр теней. Вечер четвёртый. Руководит театром Ольга Кустова	53
Открытое заседание ЖЮРИ (Подведение итогов конкурса «Знаешь ли ты свой город?»)	57
Солдатские письма (Клуб юного коллекционера)	59
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рисунок В. Звонцова «Апрель»	
На 2-й странице обложки гравюра В. Сердюкова	
На 3-й странице обложки «Следопыт, или Тропинка в лес». Фото Н. Сладкова	
На 4-й странице обложки рисунок Ю. Смольникова «За мирный космос!»	

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

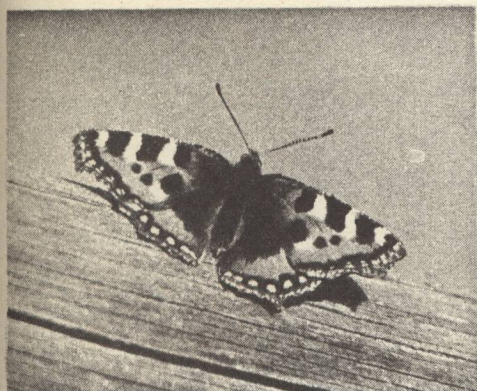
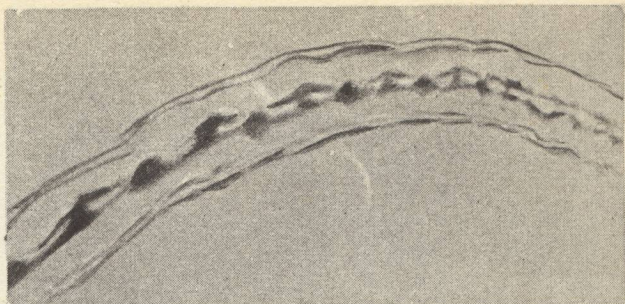
ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, А. Н. Томили, И. А. Турчин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55. Сдано в набор 01.03.85. Подписано к печати 16.04.85. М-17597. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,64. Тираж 60 000. Заказ № 855. Цена 20 коп. Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Следуют, или Тропинка в лес

1. В апреле много разных событий в лесу. На лесных полянах появляются странные следы, словно кто-то саночки по снегу вёз. Это ..?. токовали, бороздили снег распушенными крыльями.

2. Вылетают из зимних ухоронков первые бабочки ..?. : всю зиму проспали без просыпа!

3. ..?. пробивает на берёзах дырочки, чтобы сладкий берёзовый сок пить.

4. Прилетели и запели первые пёстрые ..?. — чёрно-бело-рыжие птички. Что ни день — то в лесу новости!

6-3

ЦЕНА 20 КОП.

НАЗОВИ
ИНОСТРАННЫХ
КОСМОНАВТОВ,
КОТОРЫЕ УЧАСТВОВАЛИ
В ПОЛЁТАХ
ПО ПРОГРАММЕ
«ИНТЕРКОСМОС»

ИНДЕКС 73735